18+

Валерий МИТ

ДЫМ НА ФОНЕ ЗВЁЗД

Сборник
избранных произведений

Валерий МИТ

Дым на фоне звёзд. Сборник избранных произведений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051105
ISBN 9785448516009

Аннотация

Эта книга – сборник произведений автора.Включает в себя повесть «Ложная память»; рассказы: «Скачок напряжения»; «Дырка в асфальте»; «Дрифташтепсель»; «Сладкие булочки»; «Ловушка для мух».Все произведения, вошедшие в эту книгу, объединяет одно – динамика сюжета, интрига повествования, способные захватить внимание самого взыскательного читателя.

Содержание

Рассказы 6
Ловушка для мух 6
Сладкие булочки 22
Дырка в асфальте 41
Скачок напряжения 69
Дрифташтепсель 100
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Дым на фоне звёзд
Сборник избранных произведений
Валерий МИТ

© Валерий МИТ, 2019
ISBN 978-5-4485-1600-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я сижу один в тёмном углу и курю свою старую трубку.

Ароматный табак.

Дыма много, но он не режет глаза и плотными клубами поднимается вверх, попадает в вентиляцию, уносится выше, а я следую за ним.

Один этаж, второй, третий…

Вот и грязный чердак.

Мимо.

Ещё выше.

В чёрную прохладную ночь.

Дальше только звёзды и я поднимаюсь прямо к ним.

Чудесное ощущение, но длится недолго.

Дым рассеивается, и я начинаю падать вниз.

Черт…!
Я учёл не всё!
Я здесь, трубка там.
И без меня, она не желает куриться.

Рассказы

Ловушка для мух

Я просто шёл мимо.

Он же стоял под навесом автобусной остановки у перекрёстка двух улиц, пристально смотрел на меня и улыбался.

Я попробовал отвести взгляд и не смог. Попробовал остановиться, но ноги сами сделали ещё несколько шагов, и я оказался рядом с ним.

– Нужно поговорить, – сказал он.

– О чём?

Он пожал плечами и задал вопрос:

– Вам нравятся мухи?

Что на это ответить? – Человек был явно не в себе, но он был не просто человек. Каким-то невероятным образом заставил к себе подойти и испугал меня до жути.

Да, я испугался, хотя никогда не считал себя трусом.

Испугался сильно, но не столько его безумия, сколько нелепости ситуации и того, что в этой ситуации кто-то легко может манипулировать мной.

– При чём тут мухи? – машинально ответил я.

– Они ни при чём, – ответил незнакомец. – Мерзкие твари, летают просто так, жужжат, отвлекают, разносят всякую

дрянь на своих липких лапках и никакого толку от них нет. – Лично мне они не нравятся.

Наркоман, решил я. – Как я сразу не догадался? – Странный взгляд, улыбка, дурацкие вопросы. Лучше молчать, понял я. Или нет, лучше просто молча уйти.

На тот момент, моя догадка вытеснила всё остальное, и я забыл, что он заставил меня остановиться и смотреть на него, не отрываясь.

Я снова попробовал отвести от него взгляд и сделать шаг в сторону, но у меня ничего не вышло – тело отказывалось воспринимать команды.

Новая волна страха накрыла меня.

Всё было непросто.

– Что вы делаете со мной? – с дрожью в голосе, выкрикнул я. – Как …?

– Вот вы пытаетесь уйти, – почти заискивающе ответил незнакомец. – А между тем, я пытаюсь вам помочь.

– Мне не нужна помощь!

– Ошибаетесь, – ответил он. – Вы в зеркало давно смотрелись? – На вас же лица нет. – Тусклый потерянный взгляд, а под ним неуверенность и страх.

Тут он, почти угадал, чувствовал я себя не очень, но это не давало ему никакого права вмешиваться в мою личную жизнь.

– И что? – Вам то, что за дело? – почти с вызовом, постепенно приходя в себя, спросил я.

– О…, уже лучше. Некоторая энергия на дне сосуда имеется. Я заставил вас выплеснуть её наружу, а значит, мы уже встретились не зря, – с некоторой иронией, снова тупо улыбаясь, ответил он.

Точно ненормальный, подумал я. – Возомнил себя неизвестно кем. Издевается и эти дурацкие разглагольствования про мух.

– Про мух я заговорил, чтобы немного вас расшевелить, – ответил он. – И, хотя, как я уже говорил, мухи совершенно не причём, могу помочь и с этим.

Он сунул руку в карман, достал бумажный цилиндрик и протянул его мне.

– Берите, при ловле мух, исключительно полезная вещь, – сказал он.

Я, ничего уже не соображая, взял. «Мухолов. Липкая лента», прочитал я надпись на цилиндре.

– Это не просто лента, – сказал незнакомец. – Я немного поработал над ней и теперь, это настоящая ловушка для мух. С виду то же самое, но, по сути, совершенно иной принцип работы.

– Обычная лента, – продолжал рассказывать он, – зависит от случайного выбора. Иными словами, если муха на неё сядет, то уже никуда не полетит. В моей же ленте элемент случайности исключён. Если в радиусе десяти метров есть муха – лента единственное место, на которое она сядет.

– Вы продаёте ленты для ловли мух? – спросил я.

Он рассмеялся.

– Деньги меня не интересуют, и я ничего не продаю, – ответил он. – А это – он махнул рукой на цилиндрик, который я всё ещё держал в руке – так, маленький эксперимент. Экспромт. Можно сказать, просто к слову пришлось, раз уж я имел неосторожность обратить на мух ваше внимание.

Точно псих, подумал я. – Вот ведь попался и что всё-таки ему нужно от меня?

– Что вы всё псих, да псих, – добавил он, явно читая мои мысли. – Говорили про вредных насекомых и вот вам, пожалуйста, пользуйтесь. Я в здравом уме. Стою и пытаюсь до вас достучаться. Плавно подвожу к цели нашей встречи.

Я машинально сунул его подарок в карман.

Мне снова стало не по себе.

– И не надо пугаться, – сказал незнакомец. – Ничего плохого я вам не сделаю. Мне нужно только чтобы вы успокоились и просто доверились мне.

Я промолчал, стараясь, как он и говорил успокоиться, но получалось не очень.

– Сейчас я сниму с вас своё воздействие, – добавил он. – Но будет одна маленькая просьба – никуда не убегать, тем более, что бежать-то особо и некуда.

Он снова улыбнулся.

А я, наконец, смог отвести от него взгляд и посмотреть по сторонам.

Улица была абсолютно пуста – никого – ни машин, ни пе-

шеходов.

Этого просто не может быть, думал я. – Середина рабочего дня, кто-то обязательно должен был куда-то идти или ехать. Да, что я, так не бывает даже ночью…

Теперь мне стало казаться, что с ума сошёл я.

– Я убрал всё лишнее из нашего круга восприятия, – сказал незнакомец. – У нас конфиденциальный разговор и никто не должен мешать. И хватит уже трястись. Вы тоже абсолютно нормальный и причин для беспокойства нет. Подумаешь, все исчезли, тоже мне невидаль. Может быть, никого и не было. Давайте присядем – он указал на лавку под навесом остановки – поговорим, и я попробую всё объяснить.

Я кивнул головой, считая, что у меня всё равно не осталось другого выбора, как слепо следовать за ним.

Я, сел рядом с ним на неудобную лавку.

Еще раз взглянул на пустынную улицу. Посмотрел на незнакомца.

Что он за человек, думал я, что он делает со мной? Где я оказался?

Он не мешал разглядывать себя. Молча сидел вполоборота, о чём-то задумавшись и снова улыбался. – Неопределённого возраста, без особых примет, в неброской одежде. Короткая стрижка, худощавый, острые черты лица, седина на висках. – С виду самый обычный человек, ничем не отличающийся от других.

– Чувствую, что вы почти готовы, – сказал незнакомец, по-

ворачивая ко мне голову. – Относительный покой достигнут, ваш страх не стремится перейти в панику, находится в пределах допустимого, и вы стали достаточно восприимчивы.

Удивительно, но он был прав.

Страх почти исчез, осталось лёгкое беспокойство. А учитывая ситуацию, в которой я оказался – это было невероятно.

– Нет ничего невероятного, – ответил незнакомец. – У страха, как например, у звука, тоже есть свой барьер. Пересекаешь его, и страх остаётся позади. Мы, в некотором роде, движемся быстрее любого страха.

Я снова посмотрел на пустынную улицу. О каком движении он говорит? – думал я, мне казалось, что вокруг всё застыло.

– Не берите в голову. Для этих парадоксов вы ещё не готовы.

– А что мы здесь делаем? – спросил я, не решаясь спрашивать, зачем он ко мне прицепился.

Он хитро взглянул на меня.

– Бьёте в самую точку. Правильно. Самый главный вопрос: Зачем и почему именно вы? – Признаюсь честно, у меня не было выбора. Время на исходе. Я потратил несколько дней объективного времени, пока не попался хоть кто-то мало-мальски подходящий по параметрам. Мне казалось, что требования просты, но оказалось, что это не совсем так. Мне требовался достаточно объёмный сосуд, но в силу каких-либо обстоятельств, пустой или почти пустой, нужна

была необходимая восприимчивость и возраст претендента до 25 лет. Дело в том, что я обязан найти приемника – правила такие, вложить в сосуд свои знания, а их не вычерпаешь за несколько лет, и я должен был быть уверен, что…

– Хватит! – не выдержал я, оборвав его на полуслове. Страх перед этим человеком исчез полностью, и появилась не свойственная мне, решительность и злость. – Перестаньте молоть всякую чушь. Что это ещё за сосуд?

– Сосуд вашей души, если говорить по-простому, в первом приближении…

– А вы уверены, что я согласен наполнять его непонятным мне дерьмом? – снова перебил его я.

Незнакомец улыбнулся и пристально посмотрел на меня.

– А ведь я в вас не ошибся, – сказал он. – Только вот последний параметр – возраст, но вы успеете…

– Не нужно уходить в сторону, – опять перебил его я. – Ответьте лучше на вопрос – Вам ведь нужно, чтобы этот, так называемый, сосуд, был открыт или вскрыть принудительно тоже не проблема?

Он немного замешкался.

Улыбка в первый раз за время нашего знакомства полностью сошла с его лица. Сурово и даже враждебно он посмотрел на меня. Мне даже показалось, что его глаза на мгновение вспыхнули.

Я выдержал этот его взгляд.

– Никто не смеет разговаривать со мной так, – ответил он,

чеканя каждую букву. Чувствовалось, что он сдерживается с трудом. – Никто не смеет меня перебивать.

Я догадывался, что если захочет, он легко уничтожит меня, как знал и то, что чем-то я очень ему нужен.

– Вы не ответили, – спокойно заметил я.

– Да, – сказал он, как ни в чём не бывало, совершенно спокойно. – Не ответил. И, честно говоря, мог бы и не отвечать, но вам скажу. Вы оказались чуть сильнее, чем я предполагал. Что это означает? – Только то, что, хотя вы и не можете контролировать силы своей души, это ведёт к интересному рефлексу. В минуту смертельной опасности или серьёзной угрозы ваша душа не сжимается, закрываясь наглухо, как у многих, а напротив – распахивается, открывая свои резервы. Вот тут, вас можно легко подловить и вложить в ваш сосуд всё, что захочешь.

– Не предполагал, что всё так плохо, – пробурчал я себе под нос.

– Это вовсе не плохо. Это даёт и мне и вам дополнительные преимущества. Что касается меня, то я предпочитаю, чтобы всё было правильно. А порядок такой – краткий обзор, ваше согласие, передача информации. Всегда лучше, чтобы претендент согласился на эту процедуру добровольно. Бывают и отторжения.

Мы помолчали.

Незнакомец не торопил, но время от времени поглядывал на меня с хитрой улыбкой.

– Ладно, – первым не выдержал я. – Давайте, что там у вас – Краткий обзор?

– Вот и хорошо, – засуетился он, – даже и не знаю с чего лучше начать. Краткий то он краткий, но информации достаточно. Вы что-нибудь знаете об изменённом сознании?

– Это то, о чём Кастанеда писал?

– И да, и нет одновременно. У Карлоса, насколько я помню, изменённое состояние сознания служит для возможности восприятия безмолвного знания, для которого в реальном мире и обычном сознании, аналогий нет. Дальше, путём многолетней борьбы с самим собой, по теории Кастанеды, которую он почерпнул у своего учителя Дона Хуана – эти аналогии создаются. Затем, человек, продвинувшийся по пути знания, уже и в реальном мире может использовать то, чему научился.

У меня то же самое, но есть существенное отличие. Я предлагаю вам не сами знания, которые ещё нужно осмыслить и понять, и не где-нибудь, а в изменённом состоянии сознания. Я предлагаю вам сразу аналогии. Я всё оптимизировал и усовершенствовал. Новейшая технология совершенствования сознания. Ускоренный курс. – Минуя два первых этапа, вы сразу получаете готовый продукт – множество способов, позволяющих усилием воли, манипулировать материей и не только.

Как вам такое предложение?

– Вы, наверное, раньше продажами занимались? – спро-

сил я.

– Было дело. Реклама на телевидении и в интернет.

– Как вас сюда-то занесло?

– Тут всё просто. Так же, как и вы шёл по улице и наткнулся на случайный взгляд.

– И что теперь?

– Трудно. Сами знаете, привычка – второе счастье. А теперь ни рекламы, ни торговли. Можно конечно пойти поработать, но нет никакого смысла. – Деньги не нужны. – Я и так могу позволить себе, что угодно просто щёлкнув пальцами. Амбиции – тоже не вариант. – Я и так, круче всех, кого знаю. Что остаётся? – Самосовершенствование, но это смертная тоска.

– Мне кажется, вы лукавите, – не согласился я. – Имея такие возможности, тосковать невозможно. Мир открыт для вас. Можно…, да, что угодно можно и не приходится думать, как и где заработать. Да, что там, вообще, не приходится думать о деньгах.

– Да, этих проблем у меня нет, – сказал незнакомец. – Но вы мне понравились, и я вам скажу правду. – Всё приедается. – Попрыгал по планете, куда только не телепортировался – надоело. Хотел всегда чёрной икры, так чтобы столовой ложкой. – Сделал себе ведро. – Обожрался, теперь видеть её не могу. Всегда мечтал о Бентли, теперь этих Бентли могу завести хоть десять штук, но зачем. Катаюсь, правда, иногда, но всё не то. – Статус не волнует, на машине повышенный

риск, да и смысла нет, если можешь в любой момент, в любую точку пространства переместиться мгновенно.

– Всё равно это лучше, чем перебиваться с хлеба на воду…, – попытался возразить я, но он меня перебил.

– Лучше! Откуда вам знать, что лучше! – почти закричал он. Чем-то я его зацепил. – Стремиться некуда. Самосовершенствование – полная лажа. Когда открыты все человеческие возможности – да, есть куда двигаться – предела нет, и бесконечность иногда зовёт и манит, и во времени почти не ограничен, но только на фиг надо. Ещё шаг и вообще человеком быть перестану. Если хотите знать, женщину полюбить не могу – секс, пожалуйста, сколько угодно, а полюбить нет. В моём теперешнем состоянии духовная близость уже невозможна. Я же их вижу насквозь – вся их нежность, вся привязанность, перемешана с мелочными желаниями, они и сами не понимают, сколько в них лжи. Чуть приглядишься, с души воротит.

– Мне кажется, вы ошибаетесь.

– Тоже мне знаток женских сердец. Что ты запоёшь, когда сможешь читать их, как открытую книгу? – Предлагаю попробовать. – Ну, так как, согласен?

– Согласен с чем?

Он раздражённо взглянул на меня.

– Не хочется тебя обижать, – ответил он, стараясь убрать из голоса нервозность. – Но твой вопрос, мягко говоря, неуместен. Мне от тебя требуется согласие. – Помнишь три

простых правила: краткий обзор, затем твоё согласие и только после этого передача информации. А ты спрашиваешь, с чем тебе соглашаться после того, как я битый час распинаюсь….

– Если тебе хреново, так и скажи, а свою злость лучше сохрани для непонятой тобой очередной подружки, – перебил его я, делая акцент на слове «тебе», терпеть не могу фамильярности.

Он всё понял.

Усмехнулся мне и сразу успокоился.

– Ладно, брат, извини, считай, что познакомились, – сказал он.

– Да, я не сержусь, у самого нервы на пределе. Ладно, проехали.

– Ну, так ты как?

– Как? – Согласен, конечно.

– Вот и хорошо, тогда давай…. Увидимся на той стороне, – ответил он, отворачиваясь от меня.

– Подожди, а как же информация? – заволновался я.

– Ах, это. Ты извини, я уже – это …, все перекачал. Твой сосуд полон. Ещё в самом начале, когда ты немного вспылил и распахнул свою душу.

– А как же твои правила, последовательность…?

– Схитрил, никак не избавится от прошлых привычек. Ностальгия, будь она неладна. Сам же знаешь, торгашам полностью верить нельзя. Но теперь порядок, все формальности

соблюдены.

– А как же возможности?

– Об этом не волнуйся. Здесь всё честно. Работай над собой и всё проявится, а годы борьбы, я, как и обещал, учитывая твой возраст, немножко подсократил, убрав сразу два этапа.

Мы немного помолчали.

Затем он встал.

– Всё, мне пора, – сказал он. – Давай пять.

Я тоже встал и пожал его руку.

Он развернулся, сделал шаг в сторону и исчез.

Это впечатляло.

Неужели и я так смогу, подумал я.

Посмотрел по сторонам. – Город оставался безжизненным.

Вышел из-под навеса остановки, вошёл под него снова – ничего не изменилось.

Вот попал, подумал я, но страха не было. Я знал, что незнакомец вложил в меня тайное знание, которое позволяет, кроме всего прочего, выбраться и отсюда. Оставалось просто его найти в глубине себя.

Я сел на лавку и закрыл глаза.

Расслабился и сконцентрировался на нужной мысли.

Несколько минут ничего не происходило, затем, я почувствовал толчок в правое плечо и открыл глаза.

– Просыпайтесь молодой человек, автобус…, – сказал по-

жилой человек, стоящий рядом.

– Спасибо, я никуда не еду, – ответил я.

Город ожил снова.

Пешеходы, машины, суета. Всё, как положено в середине буднего дня.

Получилось! – обрадовался я в первый момент.

Это был сон? – огорчился я во второй.

Подтверждения ни тому, ни другому найти не удавалось.

Я посмотрел на часы – 15—45.

Ну и что? – подумал я. – Я не смотрел на часы, когда встретил незнакомца. Вроде было часа два, но я не был уверен.

С другой стороны, думал я, какой мне был смысл садиться на лавку остановки и спать, если до квартиры было пройти всего два квартала.

Тоже не аргумент, тут же опроверг себя я. – В последнее время я делал и не такие глупости, погружаясь в себя.

«Мухолов», вспомнил я, цилиндрик липкой ленты, которую незнакомец подарил мне в начале нашей встречи.

Я сунул руку в карман – он был там.

Достал его.

Да, так и есть – маленький цилиндр с надписью: «Мухолов. Липкая лента».

Вот оно доказательство, понял я. – Конечно, никому его не предъявишь. Что необычного может быть в липкой ленте для ловли мух? Но лично мне, думал я, другого и не на-

до. Этого вполне достаточно. Простой маленький цилиндр – неопровержимое доказательство встречи с незнакомцем.

Захотелось его проверить.

Я устремился домой.

Как он говорил? – вспоминал я. – Если в радиусе десяти метров будет муха, единственное место, куда она сядет, это его «Мухолов».

Дома, сняв верхнюю одежду, я сразу прошёл на кухню.

Распечатал цилиндр.

Повесил липкую ленту на окно.

И ничего.

В квартире в радиусе десяти метров не было ни одной мухи.

Стоял октябрь, было уже прохладно, а в это время года с мухами не очень.

Ладно, подумал я, важно то, что я помню, как он подарил мне этот «Мухолов», а значит было и всё остальное.

Спустя несколько дней на липкую ленту приклеилась одинокая муха.

Радовало меня то, что я не слышал, как она летала по квартире.

Ещё через неделю на липкой ленте появились ещё две.

В ноябре, так и не почувствовав в себе никаких изменений, я вспомнил, что в день встречи с незнакомцем, одел свою тёплую куртку впервые после весны. Вспомнил и то, что весной, где-то в конце апреля, я покупал липкую ленту

для ловли мух.

Как называлась та лента, и сколько цилиндриков было, я не помнил, но та, весенняя лента, не имела никакого отношения к той, что оставил мне незнакомец, а значит, сверхъестественные способности, подаренные им, рано или поздно обязательно проявятся.

Сладкие булочки

Как сказал один величайший мудрец, а за ним повторили и другие: «В бесконечной Вселенной, найдётся место для всего».

А значит и то, что является в воображении мне, тоже где-то, но существует.

Живёт своей особой жизнью, развивается и плевать оно хотело на то, что я его вообразил.

Оно знать обо мне не знает, а я, хотя и знаю о нём – никакой не творец – так, обыкновенный рассказчик.

Как подумаешь об этом – не хочется ничего.

Рассказывать, точно не хочется.

Единственное, что заставляет меня продолжать, так это то, что без меня мои видения никто не увидит. А те, кого я не вообразил, так и будут потеряны в бесконечной Вселенной – в её невообразимой глубине, за кучей обычных и световых лет времени и пространства.

Так же, как была бы потеряна странная планета у безымянной голубой звёзды, если бы я о ней умолчал.

Но нет!

Молчать не годится.

Я обязан о ней рассказать.

О ней и её сладких булочках.

Эта планета находится очень и очень далеко – за миллио-

ны парсеков от нас. Её не увидеть в телескоп и до неё не так-то просто добраться. Не каждый звездолёт способен летать на такие расстояния.

Но даже и долетев, увидеть её непросто.

Прежде чем она была обнаружена, несколько пилотируемых и с десяток автоматических кораблей, пролетели мимо, считая, что у голубой звезды, вокруг которой она вращается, спутников нет.

Планета и впрямь оказалась небольшой – чуть больше нашей Луны и летела по очень низкой орбите. – Столь низкой, что слепящий свет от звезды, полностью скрывал её от любых любопытных глаз.

Наткнулись на неё случайно.

Делали спектральный анализ звезды, подлетели поближе и увидели это чудо – маленький идеальной формы шар.

Ничего подобного раньше не попадалось.

Приплюснутых, в виде тыквы планет, встречалось сколько угодно, вытянутых яйцеобразных – тоже достаточно. Время от времени, натыкались даже на странные, бочкообразные планеты. На такую, как эта – никогда.

Все встречающиеся планеты были необитаемы, потрёпаны временем и обстоятельствами, побиты астероидами. Толстый слой звёздной пыли на их поверхности недвусмысленно говорил, насколько они стары. У некоторых из них даже отсутствовал тот или иной сегмент, была смещена ось. Орбиты их вращения оставляли желать лучшего, и были далеки

от совершенства. Все они выглядели неаккуратными, требующими ремонта – на них было неприятно смотреть.

На их фоне, маленькая планета у голубой звезды, казалась необычайной.

Чистенькая, словно только вчера родилась. Словно, всего лишь пару миллионов лет назад вышла она на свою орбиту, словно космическая агония древних миров её совершенно не касается.

Раньше считалось, что таких планет не бывает.

Природа ведь только стремится к совершенству, но не в состоянии его достичь, какой-то изъян, но обязательно находится.

Здесь же, такого изъяна, на первый взгляд, не было – полная симметрия, с какой стороны ни посмотри. И дело было не только в форме.

Хватало и других странностей.

Судите сами:

На планете имелись два абсолютно одинаковых океана, расположенных на разных её полюсах. Каждый, выглядел в плане, как чётко очерченный круг. Каждый занимал ровно треть поверхности планеты.

Океаны друг с другом не сообщались, не имели, впадающих в них, рек. Были наполнены белёсым вязким веществом очень похожим на полужидкое тесто.

Оставшаяся треть планеты, свободная от океанов, оказалась симметрична её экватору и опоясывала планету чёрным

кольцом. Эта суша планеты, если к ней можно применить такое слово, была чёрного цвета, твёрдая на ощупь, выглядела, как металл с тефлоновым покрытием.

Эта тефлоновая поверхность не имела ни впадин, ни холмов. Растительности, как вы уже догадались, на ней тоже не наблюдалось.

Это была ровная, идеально гладкая поверхность, на которой не на что было смотреть, но так выглядело издалека.

Стоило приблизиться к планете поближе и на её тефлоновой поверхности становились видны странные отверстия – маленькие – не больше ста миллиметров в диаметре, и их было очень много.

Они покрывали всю свободную от океанов поверхность, располагались на равных расстояниях друг от друга, превращая поверхность планеты в решето или дуршлаг, или во что-то ещё, не имеющее названия в нашем языке.

Странная, удивительная планета.

Для усиления эффекта от этой её странности, стоит добавить, что ось её вращения практически совпадала с её орбитой и проходила чётко по центрам океанов.

Иными словами, планета вращалась поперёк своего движения вокруг звезды и не имела смены времён года.

Кроме того, необходимо добавить, что планета вращалась достаточно быстро вокруг своей звезды, словно, компенсируя силу её притяжения, центробежной силой.

Не менее быстро она вращалась и вокруг своей оси, но это

её вращение не было равномерным, шло рывками и немного портило первое впечатление от планеты.

Словно, в идеальном механизме что-то сломалось.

Словно, планету сотрясали землетрясения.

Словно, планета была наполнена жидкостью, а та в свою очередь, вместо того, чтобы свободно перекатываться внутри планеты по твёрдой оболочке, натыкалась на невидимые препятствия, провоцируя толчки.

Но если это было так, то выходит, что так было задумано, а в этом случае, встаёт вопрос – Зачем?

Ответ, как всегда, лежал на поверхности.

А если ещё точней – на поверхности океанов.

Оказалось, что толчки, в сочетании с центробежной силой вращения, обеспечивали нормальное перемешивание белёсой жидкости-теста.

Кроме того, как оказалось, в момент толчков, из отверстий в тефлоновой поверхности планеты, что-то выплёскивалось, а это, в свою очередь, подтверждало догадку про жидкость под оболочкой планеты, но совершенно не объясняло, что, вообще, чёрт возьми, происходило там.

Я просмотрел все глаза, наблюдая за этим необычным небесным телом, прячась в его тени от слепящего света звезды, пытаясь разгадать его загадку, но так ничего и не понял. Зато, обратил внимание на ещё одну странность. – Жидкость из глубин планеты выплёскивалась при толчках, а жидкость-тесто из океанов – нет.

Мне показалось это необычным.

Я приблизился ещё.

Оказалось, что с прежней высоты и под прежним углом зрения, я не заметил вертикальные стенки, опоясывающие океаны по периметру.

Стенки оказались сравнительно невысоки – каких-то метров сто, но этого хватало, чтобы вязкая белёсая жидкость, не перекатывалась при толчках через край.

Стенки, судя по всему, тоже были стальными, тоже покрыты тефлоном и тоже имели отверстия, располагающиеся в несколько рядов у своего основания.

Эти отверстия тоже были круглыми – миллиметров пятьсот в диаметре и на тот момент, наглухо перекрыты откидными крышками.

– Никакая это не планета, – проворчал я, теряя душевное равновесие, не замечая, что разговариваю сам с собой.

– Кастрюля с дырками, утопленная в сферический дуршлаг, – в сердцах добавил я. – Вернее, две кастрюли, принимая во внимания, что океанов – два. – Космическая скороварка. – Плод извращённого разума, забывшего на орбите этой звезды свой кухонный агрегат.

Я попытался представить существо, у которого есть кастрюля размером с Луну и не смог. Такое существо должно было быть огромных размеров и жить на планете размером с Солнце, а это…

Я не знал, что значит это ….

Оказалось, что для такого масштаба в моём воображении не хватает места и оно, к глубокому моему сожалению, в отличие от Вселенной, не является бесконечным.

Но, тем не менее, хоть я и не смог представить, чьих рук, лап или щупалец – творение находится передо мной, оно никуда не исчезло и я, по-прежнему, не мог понять, что эта космическая кастрюля-скороварка делает именно здесь.

Я решил подняться над ней повыше, уменьшить масштаб и с относительно безопасного расстояния, ещё раз окинуть взглядом эту космическую кухню.

Интуитивно, я уже знал, куда нужно смотреть.

Вспомнив, что у каждого события есть свой горизонт, я поймал себя на том, что, приподнявшись над планетой, я смотрю именно на её горизонт.

Там на границе тени и света я заметил какое-то движение.

Немедля устремился туда и наткнулся ещё на одно явление.

Оказалось, что этот космический агрегат, вовсе не бездействует.

Судя по всему, в стенках кастрюль-океанов был скрыт фотоэлемент и при попадании на него света от звезды, срабатывал механизм открывания отверстий в стенках.

На границе света-тени было очень жарко – больше ста градусов по Цельсию. А там, где лучи звезды беспрепятственно касались планеты, температура скачком подпрыгивала до двухсот двадцати.

Поверхность планеты парила.

Свет от голубой звезды слепил глаза, мешая смотреть.

И хотя воздействие звезды лично на меня было, скорее, виртуальным. Казалось, что риск зажариться и ослепнуть всё же присутствует.

– Ты должен это увидеть, – шептал я себе, приказывая смотреть, превозмогая страх.

И я смотрел.

И мой риск оказался оправдан.

Увидеть и правда, было что.

При каждом толчке планеты из отверстий в её поверхности выплёскивалось немного жидкости. Она растекалась и мгновенно нагревалась под лучами звезды – шипела и пузырилась, как раскалённое масло.

Одновременно с этим из стенок кастрюль, сквозь отверстия выдавливалось чуть загустевшее от жары тесто.

Эти отверстия в стенках работали, как дозаторы, понял я. – Выплёвывали порцию теста прямо на раскалённый тефлоновый противень планеты.

Мне показалось это не совсем разумным. – Дозируют в несколько рядов, думал я – валят и валят. Сейчас всё завалят, тесто слипнется в ком и получится ерунда.

Но этого не случилось.

Тесто плюхалось на поверхность, принимая форму полусферы, становясь похожим на непропечённую булочку. Булочка, сама, без всякой посторонней помощи, словно живая,

становилась на ребро и под воздействием центробежной силы, катилась в сторону экватора. – Сначала неуверенно, выписывая хитрые восьмёрки, но быстро обучаясь, ловя равновесие, с каждой секундой, увеличивая скорость своего качения.

Я видел, что скорость была необходима. Она позволяла булочкам обжариваться медленней и давала шанс продержаться подольше.

Тех же из них, кто не смог обеспечить нормальную скорость – ждала незавидная участь.

Случайно столкнувшись с другими булочками, или просто устав катиться, они падали на раскалённую поверхность и подняться уже не могли. Быстро прожаривались и за считанные минуты сгорали, не оставляя после себя ничего – даже пепла. Его частично растворяла жидкость на поверхности, частично сдувал куда-то ветер, без остановки дующий над планетой по ходу её вращения.

То, что происходило на этой планете, показалось мне жутким, жестоким и бесчеловечным, особенно если считать, что булочки были и впрямь, живые.

Ведь было совершенно очевидно, что до экватора они навряд ли доберутся – очень далеко, но даже если и доберутся – сгорят всё равно. – Сила инерции, толкающая их в сторону экватора в этом полушарии планеты, столкнётся с силой инерции другого полушария – нейтрализуется, и работать перестанет.

Мне стало, очень их жаль.

Захотелось остановить это безумие, заглушить эту космическую скороварку и разобраться с тем, кто это устроил.

– И какой только псих придумал этот безумный котёл? Кому понадобилось это извращённое тиражирование смерти? – невольно воскликнул я.

– Допустим мне, – услышал я тихий, вкрадчивый незнакомый и совершенно спокойный голос. – Но почему ты считаешь, что я псих? Мне кажется, что я абсолютно нормален.

– Абсолютный псих! – нервно добавил я, оборачиваясь, пытаясь увидеть хозяина вкрадчивого голоса. – Если считаешь это нормальным, тебе руки надо за это оторвать! – крикнул я, по-прежнему не видя никого, крутясь волчком на месте, глядя вправо, влево, вверх и вниз.

– Кто ты? Почему прячешься? – нервно спрашивал я. – Что, не хватает смелости выйти и поговорить по-мужски?

– Чтобы это сделать, сначала нужно понять, откуда я должен выйти, а главное – куда, – ответил голос. – Сам-то ты понимаешь, где находишься?

Если честно, я не понимал.

Я висел в безвоздушном пространстве у безымянной голубой звезды, над странной планетой и даже толком не знал, в каком созвездии нахожусь, не говоря уже о том, чтобы сообщить этому невидимке свои координаты.

– Амбиций много, а скорость обработки потока низкая, диапазон восприятия небольшой, – рассмеялся голос, чув-

ствуя мою неуверенность. – Не можешь превратить в понятные образы то, что не вписывается по частоте и требует дополнительной мощности и объёма. Голос с грехом пополам пробивается, но это и всё. – Тебе меня не увидеть.

– Ты кто? – в некотором недоумении от услышанного, спросил я.

– Я тот, кого эти булочки, когда-нибудь назовут творцом.

– Что же ты творец, – сказал я с некоторым сарказмом в голосе, – не мог придумать что-то более достойное? Зачем их на смерть-то посылать?

– Они выполняют свою миссию. И потом, им не так уж и плохо живётся. Что ты можешь понимать в жизни таких существ? Ты видел только часть, самое начало их пути – ничего не понял и сделал неверные выводы.

– Да, что тут понимать? – выкрикнул я. – Дохнут, как мухи, вывалившись из котла, вот тебе и путь.

– Ну, во-первых, дохнут не все, а только малая часть. – Это естественный отбор. Во-вторых, они всё равно счастливы и не умеют ни страдать, ни бояться. Катятся и катятся себе, радуются жизни, а если и погибают, то смеясь.

– Тоже мне счастье, – проворчал я. – Не может такого быть. Нечему здесь радоваться.

– А ты слышал их смех?

– Нет …, – удивлённо ответил я, – Я думал, они всё делают молча.

– Молча…, – ехидно передразнил невидимка. – Тоже мне

знаток внеземных цивилизаций. У самого диапазон восприятия никакой…, а туда же.

– Сам ты никакой, – немного обиделся я. – В любом случае, какой бы диапазон у меня не был, проверить твои слова я не смогу, а значит…

– Ничего не значит! – перебил меня голос. – На, слушай…

И я услышал.

Сначала, словно, издалека, будто звонкие колокольчики, переливчатые и прекрасные, донесли до меня свой чудесный перезвон, а потом звуки проявились чётче, и я смог разобрать голоса.

Неземные певучие голоса.

Эти существа, словно, пели.

Эмоции бурной радостью рвались из них наружу. Они, действительно, казались счастливыми и, радуясь этому, без конца звонко и весело смеялись.

Катились вперёд по своей планете, нехитро переговаривались друг с другом. Строили простые и незамысловатые фразы, под стать их нехитрой жизни и, казалось, не переживали ни о чём.

Странно, но на мгновение я даже почувствовал, что немного завидую им, но это быстро прошло – завидовать было нечему, а их ощущение счастья, казалось, необъяснимым.

– Давай догоняй, – кричала одна булочка другой, радостно смеясь.

– Солнце жгучее, горячее, как я люблю, – кричала, раду-

ясь, другая.

– Я быстрее всех, – радовалась третья, ускоряясь.

Для меня всё это, по-прежнему, было удивительно.

Я всё ещё никак не мог понять, чему они так радуются. – Их жизнь была коротка, кроме движения у них ничего не было. Где-то на экваторе существовала неявная цель, но они о ней, похоже, даже не знали. – Полная бессмыслица, а не жизнь.

– Не скажи, – прервал мои размышления невидимка, явно читая мои мысли. – Если их жизнь отличается от твоей, это ещё не значит, что она не имеет смысла.

– Ладно, умник, – хмуро ответил я, – давай, объясни мне, дураку….

– Могу и рассказать, – ответил он, – но всегда лучше увидеть своими глазами.

И он направил мой взгляд в нужную, с его точки зрения, сторону.

Сначала я не увидел ничего нового.

Булочки катились нескончаемым потоком, болтали звонкими голосами, каждая о своём, чередуя смехом каждую фразу. Катились и катились всё так же бессмысленно, как и раньше, к своей неизбежной гибели.

Я хотел было возмутиться и сказать невидимке, что он ни в чём меня не убедил и убедить никогда не сможет. Сказать, что я понял, почему они смеются и счастливы – догадался, что они просто глупы.

Я даже открыл рот, собираясь это сказать, но внезапно все булочки одновременно выкрикнули протяжное радостно-удивлённое: «О…о…о…» и на планету начал падать снег.

Я так и остался стоять, разинув рот, не в силах произнести ни звука, глядя на это чудо – снег, под палящей звездой, при температуре больше двухсот градусов по Цельсию.

– Это не снег, – сказал невидимка, видя моё замешательство. – Можно сказать, что это сахарная пудра. Жидкость, выплёскивающаяся на поверхность при толчках, кроме всего прочего, содержит приличный процент сахара. Он вместе с парами поднимается в атмосферу. Там, жидкость выпаривается окончательно, а сахар мелкой пылью падает с неба в виде осадков, похожих на снег.

– А куда девается жидкость?

– В первом приближении, там, где температура резко понижается – на границе света-тени, частично собирается в туман, частично выпадает дождём, но так или иначе оказывается сначала на поверхности планеты, а потом, через её отверстия попадает обратно в недра.

Это сложный процесс – не забивай голову, лучше посмотри, как прекрасны наши булочки.

Они и правда, были ничего себе.

Носились по планете, как ненормальные. Перемазались в сахарной пудре так, что на них живого места не осталось. Увлечённые этим занятием, даже перестали говорить, сме-

яться же, наоборот, стали в два раза громче. Стали белые пушистые и очень привлекательные.

– Какие-то бешеные снежки, – проворчал я, пряча улыбку.

– И не говори, – ответил невидимка. – Правда, забавные?

– Не то слово.

– Прямо, как дети.

– Что да, то да, – ответил я. – Радуются так искренне и, похоже, немножко безобразничают.

– Пусть повеселятся, пока есть возможность, – грустно сказал невидимка. – Пока пудра сыпется с неба, им ничто не угрожает. Свет звезды пробивается с трудом, температура воздуха немного падает, поверхность планеты чуть остывает. – Но стоит только небу проясниться, просто беда …, – ещё более грустно добавил он. – Многие тут же сгорят.

– А может быть, как-то изменить температурный режим? – спросил я.

Повисло молчание.

Через две минуты я тихонько позвал:

– Эй! Ты где?

Но опять не получил ответа.

Через пять минут, я подумал, что он покинул меня, а ещё через минуту – вновь услышал его голос.

– Здесь нельзя ничего изменить! – твёрдо сказал он. – Здесь даже думать об этом нельзя!

– Почему? – спросил я.

– Ты прикалываешься или, правда, не понимаешь? – спро-

сил он.

Я и правда, не понимал.

Я мог бы понять, если бы он объяснил причину, или бы просто сказал, что ничего менять не хочет, но нет – он сказал это так, словно это выше его сил, словно не он творец этого мира, хотя и недвусмысленно об этом говорил.

– Так ты что, не создатель этого мира? – спросил я.

– Да при чём тут это! – неожиданно вспылил он. – Создатель – не создатель, какая разница? Что ты можешь знать о конечных точках восприятия? Как влияют изменения в них, на всё остальное? Что, вообще, оно такое, как формируется, откуда исходит?

Если ты задаёшь мне свои дурацкие вопросы, значит, понятия об этом не имеешь. Значит, знать не знаешь, как происходит процесс познания, что такое знание в принципе, откуда берутся ответы, а самое главное – вопросы к этим ответам. – Выходит, ты не намного разумней булочек этой планеты и с тобой разговаривать не о чем.

Честно говоря, он меня ошарашил своей тирадой.

Я почти ничего не понял из того, что он мне сказал, но обиделся капитально. – Он совершенно явно назвал меня дураком.

Если бы он не был невидимкой, я бы ему, наверное, врезал и не посмотрел бы на то, что он, судя по всему, крутой.

Но это было невозможно.

Я и, в самом деле, слышал только его голос. И мне не оста-

валось ничего другого, как просто ответить:

– Сука ты, – сказал я ему. – Если ты знаешь больше, это не даёт тебе права так разговаривать со мной.

– Я не хотел тебя обидеть, – грустно ответил он. – Я лишь имел ввиду, что знание чего-либо и незнание этого, существуют одновременно. Требуется совсем небольшое умственное усилие, чтобы это понять. Ведь любой вопрос является следствием именно знания и тот, кто его задал, на определённом уровне сознания, уже знает ответ. В противном случае он бы не знал, что спрашивать. Восприятие же…

– Хватит умничать! – перебил его я. – Опять этот бред. Я просто хотел помочь.

– А не нужно никому помогать, – ответил он зло – Булки катятся к экватору. Если повезёт, его достигнут. Туда же, с противоположной стороны планеты, стремятся другие булки.

На экваторе, те, кто сумеют добраться – встретятся. Если очень повезёт, найдут свою половинку – сольются и образуют сферу. Сфере намного легче катиться. В движении, смысл их жизни. В таком движении – полная счастья жизнь.

– И что потом? – спросил я. – Какой в этом смысл?

– А какой смысл в жизни?

– Не уходи от ответа, – сказал я. – Это я тебя спрашиваю.

– Есть легенда, – нехотя, ответил он. – Однажды, две влюблённые булочки образуют сферу. Их любовь будет настолько сильна, а движение под лучами голубой звезды –

столь долгим и стремительным, что вызовет мгновенную мутацию. Они станут единым целым, и им станет доступно всё. Вселенная распахнёт им свои объятья, и они…

– Чушь, – оборвал его я. – Сам-то ты веришь в то, что говоришь?

– Да! – надменно прогрохотал голос. – Эта вера поддерживает нас не одну тысячу лет!

– Ну и как, распахнулась Вселенная?

– Пока нет, но я знаю, что …, – голос внезапно осёкся на полуслове.

Я почти физически почувствовал, как меня буравят невидимые глаза.

– Я вижу, ты издеваешься надо мной, – сказал невидимка сурово и жёстко. – Пытаешься поколебать мою веру. Я мог бы тебя уничтожить за это, но ты слишком глуп и ничтожен, а значит, тратить на тебя свои силы, слишком расточительно.

– Однако, твоё дальнейшее пребывание здесь нежелательно, – добавил он. – Объявляю немедленную депортацию. Раз, два, три…

На счёте девять, его голос немного смягчился, и он попросил меня поплотнее закрыть глаза.

На счёте десять, мне показалось, что его голубая звезда взорвалась – так ярко что-то вспыхнуло за моими закрытыми веками.

Это длилось недолго, и уже в следующее мгновение я от-

крыл глаза и обнаружил себя дома, за кухонным столом.

Передо мной стояла кружка с остывшим чаем, и стеклянная тарелка с двумя сладкими булочками в виде маленьких полусфер, посыпанных сахарной пудрой.

– Ну, что мои хорошие, – тихо сказал я им. – Похоже, Вселенная всё же открылась для вас.

Конечно, это не были булочки с планеты у голубой звезды и, разговаривая с ними, я вовсе не ждал ответа. Эти булочки неподвижно лежали на тарелке и вряд ли были живыми.

Тем не менее, съесть их, по понятным причинам, я уже не мог.

Под влиянием порыва, я взял и соединил их в маленькую сферу. Накрыл другой тарелкой, пряча от любопытных глаз. Собрался поставить в холодильник, но передумал.

Мне послышался перезвон колокольчиков, чуть слышный весёлый смех, а сразу за ним, очень тихое – Спасибо!

Дырка в асфальте

Как она образовалась, не знает никто.

Словно по волшебству, в приличном ещё дорожном покрытии подъездной дорожки у дома №13 по проспекту имени «Тринадцати героев», образовалась маленькая выбоина неправильной формы – сто на сто миллиметров шириной и глубиной тоже сто…

В первый момент её никто не заметил.

Колёса автомобилей проскакивали над ней, не вызывая никаких неудобств, пешеходы не ходили по проезжей части в этом месте, а дорожным рабочим, как и работникам различных служб ЖКХ, было вообще не до того – хватало других важных дел, посерьёзнее, чем какая-то незначительная дырка в асфальте.

В большинстве подобных случаев, такое их отношение, можно было считать вполне оправданным. Действительно, маленькая выбоина, каких на наших дорогах сотни тысяч – не разорвёшься, заделывая каждую из них.

Пусть сначала станет побольше, считали они, тогда, затраты на её заделку станут целесообразными, тем более, что со временем она может и сама забиться грязью, станет невидна и делать ничего не придётся.

Но это был не тот случай.

Проблема с выбоиной в подъездной дорожке не желала

рассасываться сама по себе, она желала перейти из разряда незначительных проблем, в более серьёзную категорию и этот процесс развивался стремительно.

Не прошло и трёх дней, как она стала значительно шире и углубилась миллиметров до двухсот.

Хорошо, что на подъездной дорожке нельзя было разогнаться – мешали припаркованные у тротуара автомобили и поворот, находящийся от выбоины сравнительно недалеко. Но и на маленькой скорости несколько автомобилей, неудачно попавших колесом в эту дыру, переехали её со страшным грохотом, отбив о её кромки всё, что только можно было отбить. Чудом не получили при этом серьёзных повреждений. Задержались на мгновение, осознавая случившееся и, ругаясь сквозь окна матом, недовольно урча мотором, уехали дальше.

На четвёртый день ситуация ухудшилась и, этот день, как назло, оказался субботой.

В пять утра Сидоров Василий Петрович, загрузив в свой джип «Тойота» рыболовные снасти, отъехал со своего парковочного места, держа путь к тайным, известным только ему одному, местам, обещавшим отменный улов.

Мимо выбоины в асфальте он проехать не мог.

Он увидел её – зияющий провал уже в метр шириной и глубиной миллиметров триста-четыреста.

– Хрен остановишь, – прошептал он.

Подключил полный привод и на пониженной передаче

съехал в образовавшуюся яму передним колесом.

Ничего страшного не произошло.

Он чуть прибавил газу и переднее колесо, цепляясь за кромки провала, выбралось на плотное покрытие дороги.

– И никаких проблем, – снова прошептал Василий Петрович.

– Молодец, – добавил он, обращаясь к своему автомобилю, слегка поглаживая руль правой рукой. – Давай повторим манёвр.

Проехав немного вперёд, автомобиль Василия Петровича, медленно, насколько это было возможным, съехал в яму задним колесом. Главное не сесть на брюхо, подумал Василий Петрович, и, видимо, сглазил.

Автомобиль резко просел, словно, под колесом в провале исчезла всякая опора. Но джип, он и есть джип, для его движения не требуется опирание всех колёс. У трёх колёс автомобиля сцепление с дорогой сохранялось и это оказалось достаточным.

Василий Петрович, как и в первый раз, слегка прибавил газу и, чиркнув брюхом автомобиля о рваную кромку асфальта, вылез из ямы, развернув её ещё больше.

Проехал вперёд метров пять, остановился, вышел из машины, вернулся назад посмотреть на провал.

То, что он увидел, не шло ни в какое сравнение с тем, что он видел до того, как его переехал – он стал значительно глубже и шире. На дне этой ямищи, назвать этот провал по-

другому было уже нельзя – метра полтора глубиной и шириной больше двух – просматривался известковый щебень вперемешку с грунтом и кусками асфальта – в основном просматривался. В правом нижнем углу ямы зияла чернота.

Похоже, какая-то труба, обмазанная битумом, оголилась, или, вообще, дыра в преисподнюю, подумал Василий Петрович.

– Всё-таки я мудак, – нервно, чуть громче, чем следовало, сказал он себе. – Если бы там прорвало теплотрассу, провалился бы к чертям и сварился заживо….

Но он ошибался.

Не было в провале никакой теплотрассы, пар из него тоже не поднимался, а значит, дело было в чём-то другом.

Разбираться в этом Василию Петровичу было некогда.

Он ещё раз взглянул на разрушения, оставленные после себя. – Яма и есть яма, подумал он, но мало ли на свете таких ям – хотя и слишком большая для подъездной дорожки и обратно к дому тут уже не проедешь, придётся в объезд, но ….

Мелькнула мысль вызвать кого-нибудь, сообщить… и ушла. Он вспомнил, куда едет и ему не захотелось тратить на эту яму ни минуты.

Вызовут и без меня – времени на это нет, решил он.

Следить нужно за дорогами – делают всё кое-как, а страдают обычные люди … – мысленно упрекнул он непонятно кого, снимая с себя ответственность.

Вернулся к автомобилю, сел в него и уехал на рыбалку.

Он не знал, что за его действиями пристально наблюдали.

Когда он на своём автомобиле скрылся из глаз, человек, наблюдавший за ним, отвернулся от окна и, шаркая стоптанными тапками-шлёпанцами, прошёл вглубь квартиры.

Этим человеком была одинокая старушка, Прасковья Ивановна, из 43-й квартиры, расположенной на первом этаже тринадцатого дома. А окна этой квартиры выходили прямиком на провал.

Прасковья Ивановна просыпалась рано.

Делать ей было особенно нечего и с утра до поздней ночи, всё своё время она проводила у окна. Ни одно событие во дворе не оставалось незамеченным. Некоторые думали, что она, вообще, никогда не спит.

Не пропустила она и Василия Петровича.

Угол зрения (первый этаж всё-таки располагался низко) и куст сирени под окном, разросшийся в последнее время, не позволяли в полной мере оценить происходящее, но Прасковье Ивановне помешать не могли. – Она видела, как её сосед из последней парадной – этот «жулик» Васька – разворотил на своём джипе полдороги и слышала, что он при этом сказал, заглядывая в провал.

– Точно мудак, – ворчала старушка, шаркая по квартире, пробираясь к телефону. – Повредил теплотрассу, набедокурил и уехал, а тут, разбирайся, кто хочешь.

Прасковья Ивановна, по дороге к телефону заглянула

в ванную комнату и включила горячую воду. – Напор был слабым.

– Вот мерзавец! – выкрикнула она. – Уже падает напор.

Она нервно закрутила кран обратно.

Ну, держись Васенька, допрыгался на своём джипе, сейчас я тебе устрою, зло подумала она.

В аварийной службе все мирно спали.

Примерно к четырём часам утра бригада отработала все заявки за прошедшие сутки – новых, к счастью, не поступало, и до окончания смены можно было немного вздремнуть, но вмешалась судьба.

В 5—46 в кабинете дежурного раздался звонок.

Дежурный по смене встрепенулся, прогоняя сон, поднял трубку и почти бодрым голосом ответил:

– Аварийная служба, Степанов, слушаю…

– Теплотрассу прорвало…, уже падает напор! Васька на своём джипе полдороги разворотил. Приезжайте…! – нервно кричала трубка женским голосом.

– Вы, пожалуйста, успокойтесь, – ответил дежурный. – Бригада уже выезжает. Диктуйте адрес…

Степанов Николай Кузьмич, работал в аварийной службе не первый год. Принял десятки тысяч звонков и наслушался всякого.

Он прекрасно понимал, что звонок Прасковьи Ивановны, скорее всего бред пожилой женщины. – Прорыв теплотрассы дело серьёзное, думал он. – Множество людей остаются

без горячей воды – оборвали бы телефон…. А тут одинокий звонок.

Кроме того, рассуждал он – по адресу, что она продиктовала, напротив её окна – нет, и никогда не было никакой теплотрассы – она проходит с противоположной стороны дома.

И, самое главное…, думал он, не поступало никакого сигнала о снижении давления и с распределительного узла.

Выходит, ложный звонок, размышлял он. – Получалось, что да, но смутное беспокойство и чувство, что всё не так просто, не покидало Николая Кузьмича. Он действительно был опытным работником и его профессиональное чутьё, почти никогда его не подводило.

Отправлю бригаду, решил он. – Пусть посмотрят, что там да, как. Выспались уже, а до конца смены времени хватит.

Бригада выехала через пятнадцать минут, а ещё через десять прибыла на место происшествия.

Водитель в некотором отдалении от провала нашёл парковочное место, и не прошло и минуты, как пять профессиональных рабочих аварийной службы во главе со своим бригадиром Фёдором Семёновичем, стояли на краю глубокой ямы в подъездной дорожке у тринадцатого дома и вглядывались в её глубину.

С тех пор, как Василий Петрович покинул это место, прошло не более часа и почти ничего не изменилось. Разве что в правом нижнем углу провала пятно черноты стало немного отчётливей.

Фёдору Семёновичу, тоже показалось, что это какая-то труба, оголившаяся из-под земли.

Он вернулся к машине и взял схему расположения коммуникаций этого микрорайона.

На схеме никакой трубы не было.

– Хрень какая-то, – пробурчал он и достал сотовый телефон.

Набрал номер дежурного.

– Что там Семёныч? – устало, спросила трубка.

– Ерунда какая-то, – ответил бригадир. – Яма больше двух метров в поперечнике, глубиной метра полтора – провал в грунте, но причины провала непонятны. Воды нет – ни грунтовой, ни какой-то ещё. На дне провала похоже оголилась труба. Пока неясно, что за труба – не теплотрасса точно – на схеме нет. Может быть, старая ливнёвка или канализация – сходу не определишь – виден только фрагмент поверхности чёрного цвета.

– Понял Семёныч, – сказал дежурный, – Пусть спустится кто-то вниз и попробует определить её принадлежность. Только аккуратно. Я пока посмотрю в архиве, но вряд ли что-то найду – новый микрорайон, а до него там вообще ничего не было…. Как закончите, поставьте ограждение вокруг ямы…. Этот провал похоже проблема не наша, но оставлять его как есть нельзя – свалится кто-то, замучаешься виноватых искать.

– Сделаем, Николай Кузьмич, – сказал бригадир.

– Как сделаете, возвращайтесь на базу. Всё. Конец связи.

Дежурный отключился. Трубка звякнула сигналом отбоя. Фёдор Семёнович нажал кнопку отключения телефона, сунул его в карман и вернулся к провалу.

Бригада в полном составе была всё ещё там.

– Похоже, зря Семёныч приехали, – сказал помощник бригадира, увидев подошедшего начальника. – Оголившаяся труба без повреждений, прорыва воды нет, провал грунта не по нашей части. Нужно дорожников вызывать. И…

– Это не тебе решать, – оборвал, его бригадир. – Ставим временное ограждение вокруг ямы. В машине должно быть восемь секций. Там же возьмите ломик, лопату и лестницу. Спусти кого-то вниз очистить трубу – пробуем найти маркировку. Не забудь монтажный пояс, каску и верёвку. Без страховки вниз не спускаться.

– Семёныч, яма полтора метра глубиной, какая страховка? – попробовал возразить помощник.

– Ладно, – ответил Фёдор Семёнович, – но тогда вниз пойдёшь сам.

– Понял, – обречённо сказал помощник, – Давай, Семёныч, хоть фургон к яме подгоним, всё меньше таскать и верёвку будет к чему привязать.

Бригадир огляделся вокруг и кивнул головой. Эти аргументы помощника показались ему разумными. Подъезд к дому всё равно перегораживал провал, а страховочную верёвку закрепить и правда, было не к чему.

6—30 утра, суббота, всё тоже место.

– Что там? – спросил бригадир у рабочего на дне провала.

– Бетонная труба большого диаметра, обмазанная битумом. Никаких маркировок нет.

– Насколько большого?

– Пока непонятно. Уходит за кромки провала с одной стороны и, похоже, под грунтом в провале тоже она. Чтобы понять нужно её откопать.

– Копай, но аккуратно. Почувствуешь подвижки грунта – сразу наверх.

– Понял.

А я вот ни черта не понял, подумал бригадир. – Если верить в то, что он говорит, то выходит, что труба под провалом имеет диаметр минимум три метра. Откуда тут такая труба, а главное, зачем? – Объяснить невозможно.

Ещё через пятнадцать минут стало понятно, что рабочий был прав.

Он очистил половину основания ямы, в которой стоял, и на всей её ширине открылась бетонная поверхность, покрытая битумом. Поверхность имела небольшое закругление, что позволяло предположить, что это всё-таки труба.

– Ни хрена себе, – сказал Фёдор Семёныч. – Если бы я ничего не соображал, то подумал бы, что мы откопали шахту Метро.

– Может быть, бомбоубежище? – спросил помощник.

– Под подъездной дорогой и ни на одной схеме нет? –

скептически спросил бригадир.

– А что тогда?

– Чёрт его знает. Придётся, видимо, спуститься посмотреть самому.

– Что дальше Семёныч? – спросил рабочий из ямы.

– Ничего. Вылезай оттуда, – ответил ему бригадир.

– И непонятно почему просел грунт, – задумчиво добавил Фёдор Семёнович своему помощнику.

– Точно, – ответил тот, – если под грунтом сплошная бетонная поверхность – просаживаться некуда.

– Погоди вылезать, – передумал Семёныч, обращаясь к рабочему. – Возьми ломик и попробуй пошевелить грунт с левого края…. – Там может быть дыра в бетоне, – добавил он, – расклинило грунтом, и мы его пока не видим. – Только помаленьку и….

Продолжить он не успел. Он хотел дать команду рабочему проверить свою страховку – ему показалось, что тот отстегнул от верёвки свой монтажный пояс, но не успел.

Всё произошло слишком быстро.

Пока Фёдор Семёнович говорил, рабочий уже взял свой лом и успел ударить им в грунт с левого края ямы.

Раз, два…

Третьего раза не потребовалось. После второго удара, грунт в месте удара резко провалился вниз, а ещё через мгновение провалилась и бетонная поверхность, на которой стоял рабочий.

Фёдор Семёнович ошибался – рабочий был пристёгнут, но это его не спасло. За доли секунды провал расширился до 20 метров и под землю ушёл аварийный фургон со страховкой, Фёдор Семёнович с помощником и все остальные рабочие их бригады, выставляющие вокруг провала ограждение. Также под землю провалились шесть припаркованных у тротуара автомобилей и куст сирени у окна Прасковьи Ивановны вместе с приличным куском тротуара, газона и отмостки вдоль дома.

Сам дом №13 устоял, оголился только его фундамент.

Прасковья Ивановна всё видела. Она, как ответственный часовой всегда находилась на своём посту. Она за свою долгую жизнь навидалась всякого, но даже для неё это было слишком.

– Натворил Васька бед, – прошептала она, глядя в образовавшийся провал, подступивший прямо к стене её дома. Там, в его глубине кроме черноты ничего не было видно.

Наверное, нужно позвонить, решила она. – Куда нужно звонить она толком не представляла – это была её подсознательная реакция.

Как в бреду она встала со своего стула, отвернулась от окна и шаркающей походкой поплелась в прихожую к телефону.

Машинально заглянула в ванную комнату и открыла кран с горячей водой. Вода, как ни странно пошла и напор, к её удивлению, был нормальным.

7—40. Аварийная служба.

Что-то Фёдор Семёнович задерживается, думал Николай Кузьмич. – Смена скоро заканчивается, а их нет, и не перезванивают. – Может что-то случилось?

Он достал сотовый телефон, собираясь позвонить, но его опередил стационарный…

– Степанов, дежурный по смене, слушаю, – ответил он.

– Здравствуйте, это опять я, Прасковья Ивановна, – неуверенно и каким-то заискивающим голосом пропела трубка и замолчала.

– Да…, слушаю вас, Прасковья Ивановна, что у вас случилось.

– Не знаю, как и сказать…, вода бежит нормально и теплотрасса не при чём…, но в остальном….

Трубка опять замолчала.

– Что, Прасковья Ивановна? Что в остальном? – Говорите!

– Чернота… Яма… Всё провалилось… Сиреневый куст и тот…. Я давно хотела его срубить – мешал смотреть, а он сам…. Аварийная машина и другие…, все провалились и люди – шесть человек …. Ставили ограждение, а теперь их нет… и дороги нет – чернота, яма…. Приезжайте.

Гудки отбоя.

Прасковья Ивановна, повесила трубку.

– Бред какой-то, – выругался Николай Кузьмич и тоже повесил трубку. Из путаного сообщения невменяемой старушки ему было трудно сделать заключение о случившемся.

Он снова достал сотовый телефон и набрал номер Фёдора Степановича.

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – ответил автомат.

Позвонил его помощнику – тот же результат.

Порылся в своём блокноте, нашёл ещё два номера рабочих из бригады Фёдора Семёновича, позвонил и им. – Ничего не изменилось. Всё тот же ответ. – Все вне зоны действия сети.

Аномалия какая-то, думал дежурный. Проблема с сотовой связью? – Возможно, но маловероятно – Семёныч оттуда звонил.

Что тогда?

Николай Кузьмич посмотрел на часы – 7—52. – До конца смены оставалось 8 минут – Передам пост и заеду по дороге домой к этому дому, решил он. – Заодно и к Прасковье Ивановне загляну – нужно объяснить этой женщине, что нельзя дёргать специальные службы по любому незначительному поводу.

Через пятнадцать минут, Николай Кузьмич, передав дежурство по смене, вышел из здания аварийной службы.

Семёныч, так и не перезвонил.

Повторные попытки дозвониться до бригады не увенчались успехом. Странное, путаное сообщение Прасковьи Ивановны не шло из его головы.

И что я себя накручиваю, думал он, садясь в свой авто-

мобиль. – Если верить всем звонкам подряд – с ума можно сойти. Старушка была явно не в себе, мало ли, что она увидела. – Всё провалилось…. Это, как понимать? – Землетрясений вроде бы не было, прорыва теплотрассы тоже. – Куда проваливаться? – Некуда.

Напутала что-то старушка, решил он. – А Семёныч с бригадой, застрял где-то по дороге – сломался фургон и вполне возможно, в том месте не ловит телефон.

Но это было слабым объяснением, и успокоить себя Николаю Кузьмичу не удалось. Внутреннее чутьё подсказывало, что это, скорее всего, не так.

Ладно, остановил он поток своих мыслей – нечего гадать, скоро сам всё увижу.

Он уже проехал большую часть расстояния. До злополучного дома оставалось всего несколько километров пути и минут пять времени.

И что я за идиот, внезапно подумал он, глядя сквозь лобовое стекло на свой город. – Он был прекрасен – начиналось замечательное субботнее утро, стояла весна. Улицы были свободны, и ехать по ним на машине доставляло удовольствие.

Смена закончилась, впереди у меня двое суток выходных, думал он, а я еду куда-то с безумными старушками беседовать и Семёныча искать. А у него тоже смена уже закончилась, а ещё раньше, чем она закончилась, он со своей бригадой поехал на своём фургоне в магазин водку покупать и от-

ключил телефон, чтобы избежать ненужных разговоров. Я тут с ума схожу, а он уже, возможно, вернулся на базу.

Вряд ли, конечно…, – передумал он. – Фёдор Семёнович, человек ответственный, да и звонил я не только ему. И отключать сотовые телефоны на аварийном выезде… это уже слишком… – Что-то случилось …. Надо ехать проверять.

Впереди показался нужный перекрёсток с дорогой, ведущей вглубь квартала.

Одновременно с этим, навстречу Николаю Кузьмичу, мигая синими проблесковыми огнями, на большой скорости выехала колонна из пяти машин МЧС. Почти не сбавляя скорости, машины свернули на ту же дорогу, что была нужна и ему, и устремились дальше.

Неужели тоже к тринадцатому …? – испугавшись не на шутку, подумал Николай Кузьмич.

Вопрос был неуместен, подсознательно он уже знал, что да. Сознательно, он почти перестал понимать происходящее и на автопилоте свернул следом за машинами МЧС.

События ускорились.

Вялое течение жизни с её предположениями и сомнениями резко сменило направление и превратилось в бурлящий поток. Все сомнения, как щепки с поверхности воды вынесло на этом жизненном повороте на пустынный берег.

Прав был Николай Кузьмич, думая, что он идиот. – Глупо было самому бросаться в это бурлящее месиво. Нельзя быть настолько ответственным, настолько не жалеть себя, пытаясь

решать самому, все возникающие проблемы…. – Кончился рабочий день – передал дела по цепочке – иди домой. Служебное расписание придумали умные люди и пытаться его менять не стоит….

Николай Кузьмич, так не мог.

Кончился рабочий день или нет, но он чувствовал ответственность за бригаду Семёныча, ведь именно он дал им такое задание. Перед Прасковьей Ивановной тоже были взяты некоторые обязательства. – Когда он первый раз разговаривал с ней по телефону, то обнадёжил её и она, какой бы невменяемой не казалась – на него рассчитывала.

Да и не была она невменяемой, думал он. – Вон, как всё закрутилось. МЧС – пять машин, а Семёныч до сих пор не проявился. Что там произошло? – Одному Богу известно.

Он ехал и ехал вглубь квартала, изводя себя ненужными рассуждениями – ехал медленно, пытаясь сохранить своё душевное равновесие среди жизненных потоков, бурлящих вокруг него, пытающихся это равновесие пошатнуть.

Повернуть назад было ещё можно, но невидимая сила неумолимо толкала его вперёд. Он уже был подхвачен ею и мысли свернуть – сбежать от неведомых проблем – не возникло.

Впереди у тротуара показалась первая машина МЧС – грузовой фургон с проблесковыми огнями на крыше. Вокруг фургона уже суетились люди в камуфляже. – Ставили поперёк дороги ограждение, выставляли посты…

Машина Николая Кузьмича была остановлена.

Человек в защитной форме с цепким суровым взглядом, рацией на поясе и автоматом «Калашникова» наперевес, подошёл к машине и жестом приказал опустить окно.

Николай Кузьмич подчинился.

– Дальше проезда нет. Разворачивайтесь.

– Но мне нужно…

Запретная зона.

– Проезд закрыт до дальнейших распоряжений. Немедленно уезжайте!

– Но у меня там аварийная бригада. Выехала к тринадцатому дому на задание…

Человек внимательно посмотрел на Николая Кузьмича и определил его дальнейшую судьбу. Снял с пояса рацию и сказал:

– Первый, я третий. Тут у меня человек, возможно, причастный к происшедшему.

– Понял третий. Давай его сюда, в командный пункт, – ответила рация.

– Паркуйтесь! – приказал третий, Николаю Кузьмичу.

Именно в этот момент, сила, толкающая Николая Кузьмича, завладела им полностью – все пути к отступлению оказались отрезаны, а он стал игрушкой в руках судьбы.

Он припарковался и вышел из машины.

– Следуйте за мной! – скомандовал человек в камуфляже.

– Смирнов! – выкрикнул он кому-то из своих подчинён-

ных. – Пока меня не будет, остаёшься за старшего.

Они прошли сквозь ограждение, углубились в запретную зону и словно попали в другой мир.

В нём царила нездоровая суета.

Люди в камуфляже перемещались от дома к дому от подъезда к подъезду. Входили, выходили, сопровождали гражданских. Провожали их до автомобилей. Те, в свою очередь, несли чемоданы, сумки, какие-то тюки. Грузили их в багажники машин. Сами грузились в эти автомобили семьями и в спешке уезжали. Другие просто шли с вещами навстречу Николаю Кузьмичу.

– Что здесь происходит? – спросил он у сопровождающего.

– Эвакуация, – односложно ответил тот.

– А по какому поводу?

– По приказу верховного главнокомандующего!!!

У Николая Кузьмича пропала охота спрашивать. – Сам не знает или не хочет говорить, подумал он, а если и знает – не скажет всё равно – причины и впрямь, видно, серьёзные.

Они же тем временем шли и шли.

Николай Кузьмич насчитал уже шесть машин-фургонов МЧС и три легковых автомобиля, с логотипом этой же службы на борту. И это только на этой подъездной дороге, удивился он, сколько же их на других?

Он не выдержал и всё-таки сказал:

– Серьёзную операцию проводите, я уже шесть ваших

фургонов насчитал и…

– Ты бы лучше последствия своей операции просчитывал, отправляя людей сюда…! – зло ответил человек в камуфляже. – Может быть, и нам свою не пришлось бы проводить.

Николай Кузьмич от неожиданности потерял дар речи и не нашёлся, что ответить.

– То, что я сейчас скажу, – добавил сопровождающий, – закрытая информация и сообщаю я её только для того, чтобы ты понял насколько всё серьёзно. – Сейчас здесь тридцать отделений МЧС у каждого единица техники, плюс две вертушки, плюс спецтехника, плюс штабные – человек десять. Планируется подключение регулярной армии до 1000 человек, для внешнего оцепления. – Зачем я тебе это говорю? – А затем, что я очень сильно подозреваю, что во всём, что здесь происходит ты и виноват. – Если окажется, что нет – лично извинюсь. – Если да – лично расстреляю.

– Я-то здесь причём?

– Не понял ещё? – Послал людей подъездную дорогу у тринадцатого дома ковырять, а теперь дураком прикидываешься? – А там всё и началось. – У нас свидетель есть, чудом жив остался!

– Какой свидетель?

– Прасковья Ивановна, пенсионерка, звонила тебе два раза. – Ты же Степанов, дежурный по смене аварийной службы?

Николай Кузьмич обречённо кивнул головой.

– Значит, правильно говорю. – Вышла она бедолага из парадной на провал посмотреть, а обратно зайти в дом не смогла. – На проспекте «Тринадцати Героев» её и нашли в полубессознательном состоянии. – Оно и понятно, стресс. – Она мне всё и поведала, пока я её в командный пункт сопровождал. – Найдите, говорит Степанова из аварийной службы – это его люди подъездную дорогу расковыряли – вызвали обрушение.

– Нашли, кого слушать…. – Ерунда какая-то….

– Может быть и ерунда… – разберёмся. Старушка и правда, не в себе. Всё про какого-то Ваську на джипе вспоминала – он у неё на первом месте среди виноватых.

– Что ещё за Васька?

– Сами не знаем пока – ищем.

– Можете не искать! Никакими джипами не вызвать серьёзных разрушений дорожных покрытий, если, конечно, в дороге не было скрытых дефектов. Впрочем, как невозможно вызвать и просадки грунтов, проверяя маркировку оголившейся трубы. – Именно этим мои люди на подъездной дороге и занимались.

– Умный очень… – инженер…. А если были дефекты?

– И что за дефекты? – с некоторым вызовом спросил Николай Кузьмич.

– Я не обязан тебе ничего говорить, но пока идём – делать всё равно нечего – слушай. Только в обморок не падай – неохота тебя на себе тащить. Так вот, дефектов этих

там было достаточно …. Это и подземный запечатанный тоннель, ведущий к секретному законсервированному химзаводу, замковый камень которого, твои рабочие вышибли ломом к чертям.

Это и разлив химических веществ на том же секретном заводе, которые, без доступа воздуха были неактивны, а с доступом – начали превращать всё в дерьмо.

Ещё есть и такое понятие, как энтропия, которую ещё теорией хаоса зовут…. – Был тут до тебя один профессор, сейчас в штабе показания даёт. – Кричал тут, как ненормальный про какое-то «зерно энтропии» и, что теперь нам всем конец.

– Никогда не слышал про такое зерно…

– Я тоже, а он уверял, что бардак вокруг нас – это и есть энтропия…. И когда этого бардака становится много, он уже не может оставаться рассредоточенным – он самопроизвольно может концентрироваться в «зерно» – типа сгустка тьмы или мрака – называй, как хочешь.

– Чушь! – в волнении выкрикнул Николай Кузьмич. – Не бывает такого, а твой профессор просто псих.

– Честно говоря, я тоже так думаю, – усмехнулся сопровождающий. – Но рассказывал он красиво. – Говорил, что такое «зерно» совсем небольшое – полупрозрачная серая сфера до ста миллиметров в диаметре, обладающая огромным разрушительным эффектом. Мол, если положить такую сферу в небольшую ямку на поверхности земли… или – не помню точно, как он говорил – она сама сконцентрируется в ям-

ке…, – человек в камуфляже почесал затылок и сделал задумчивое выражение лица. – Что-то упустил я этот момент, ну, да ладно, неважно, короче – если это «зерно» окажется в яме, нам всем за несколько суток наступит полный пи… ц.

– Хрень! – оборвал его Николай Кузьмич, чуть резче, чем следовало. – Не могу слушать такую муру….

– А тебе и не надо слушать! – зло и делая акцент на каждом слоге, выпалил сопровождающий. – Тебе нужно свою невиновность доказать!

Николаю Кузьмичу, надоел этот разговор, он повернулся к человеку в камуфляже в пол-оборота и каким-то уставшим голосом сказал:

– Не надо мне ничего доказывать – я ни в чём не виноват. Мне нужно попасть к дому номер тринадцать.

Сопровождающий нервно рассмеялся.

– Нет больше такого дома, – ответил он. – И четырнадцатого и пятнадцатого нет. Шестнадцатый пока держится, но думаю, продержится недолго. Слава Богу, успели эвакуировать его жильцов.

– А эти три?

– Тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый …? – Всех, кто был в них – начисто …, кроме Прасковьи Ивановны. – Не успели приехать…, спасти…

– А Семёныч?

– Кто такой Семёныч?

– Бригадир аварийной службы – Фёдор Семёнович и пять

человек рабочих с ним?

– А…, эти…. – Они были первыми.

В этот момент, Николай Кузьмич, потерял нить происходящего и перестал мыслить адекватно. Сопровождающий его человек, рассказал настолько много, что большая часть сказанного осталась за границами здравого смысла. И Николай Кузьмич, цепляясь за полученную информацию, тоже покинул эти границы.

Странная злость накатила на него, и он почти возненавидел человека в камуфляжной форме.

– А откуда такое пренебрежение? Надел камуфляж, автомат поперёк пуза повесил и считаешь, что можно вот так небрежно рассуждать о жизни и смерти хороших людей? – зло и вызывающе спросил он.

– Ты чего Степанов, совсем страх потерял?

– Какой к чёрту страх? Расстреляешь меня, а командир твой – забыл? – Тебе, меня нужно в штаб доставить для допроса. – Сука! – Эти… Ты хоть знал, что за человек Семёныч был, чтобы так говорить? Нам с тобой до него три года раком…

– Ты, Степанов…

– Я тебе не Степанов, а Николай Кузьмич и не тыкай мне урод… – за Фёдора я тебя сам в блин раскатаю. – Крайних нашёл. Люди приехали аварию устранять – по моему приказу приехали, а напоролись непонятно на что – погибли, если, конечно, тебе можно верить… – Как герои погибли…,

а ты – Эти…

– Ладно, Кузьмич, не кипятись, я тоже друзей терял, понимаю, но и ты меня понять должен, смотри, что произошло, – сопровождающий кивнул куда-то вперёд.

Николай Кузьмич невольно последовал за его взглядом.

В первый момент он ничего не увидел.

Несколько редких деревьев маленького сквера, оказавшихся перед ним, рассеяли его внимание, но приглядевшись…

– Этого не может быть, – прошептал он.

Но оно было.

За сквером просматривалась рваная кромка зелёного газона, а сразу за ней – чернота провала. Дальше, метрах в пятистах провал заканчивался, но на границе провала сразу два пятиэтажных дома – целых, и от этого картина выглядела ещё страшней, сползли одним краем за границу образовавшейся пропасти, а вторым, смотрели почти вертикально вверх.

Николай Кузьмич, сделал несколько шагов вперёд и почувствовал, как кто-то железной хваткой придержал его под локоть.

– К краю не стоит подходить, – сказал человек в камуфляже.

– Но я должен это увидеть.

– Ты видел достаточно, а под кромкой – пустоты. Провал постоянно расширяется. Дома – он кивнул через черно-

ту – это уже номер двенадцать и одиннадцать, шестнадцатого уже нет.

– А люди?

– Их мы уже эвакуировали.

– Да, что это, вообще, такое…?

– Никто толком не знает – такого нигде и никогда раньше не было.

– А что на дне провала?

– А дна нет…

– ???

– Вернее, до дна никто не добрался. Смотришь – просто густая тьма, иногда, какой-то туман. Две группы спустились – пропали. Пробовали вертолёт – вообще, странно – спускался нормально, потом резко исчез звук от двигателя, через секунду оборвалась радиосвязь, а ещё через мгновение, он скрылся из виду. – Ни взрыва, ничего – просто исчез.

– И что делать?

– Для начала сходим в штаб – там нас ждут. Объяснишь командиру кто ты, что за бригада и зачем, была тобой отправлена. – Лично мне уже и так всё понятно, но в штабе задача другая. – Они ищут причину катастрофы или того, кто эту причину спровоцировал.

– Да…, тут чёрт ногу сломит…

– Согласен! Но руководству нужен виновный. – С ним, всё сразу станет выглядеть проще – будет с кого спросить – возможно, появятся пути решения проблемы.

– Ясно ….

– Ты же, Кузьмич, не виноват? – Не давал людям задание взрывчатку заложить или там, кислотой какой, бетонные трубы протравливать?

– Н-е-е-т… – бригада просто приехала для выяснения обстоятельств.

– Спрашиваю не из праздного любопытства – в штабе рассматривается и такая версия… – насчёт кислоты…. Про взрывчатку – это я от себя добавил. Взрыва никто не слышал, но учитывая эксперимент с вертолётом – яма, как-то гасит звуки и взрывчатка – возможна.

Николай Кузьмич промолчал.

– Ладно, пойдём дальше…, не бойся, выкрутимся…. Кстати, меня Дмитрием зовут.

– Николай.

– Да, знаю уже, – усмехнулся Дмитрий, – но всё равно приятно.

Он протянул Николаю руку и тот её крепко пожал.

– И прости меня – был неправ, – добавил Дмитрий.

– Ничего, мы все на нервах, – сказал Николай.

– Пойдём, познакомлю тебя с командиром.

– Это обязательно?

– Если не хочешь оказаться следующей жертвой провала, – усмехнулся Дмитрий, – то да.

– Тогда пошли.

– Нам сюда, – кивнул в правую сторону, Дмитрий.

Они повернули направо, но успели сделать только шаг…

На этом их движение и закончилось.

Дальше степень энтропии снова возросла скачком, образовав сразу два новых «зерна» и провал поглотил и их, и весь город.

Через сутки хаос поглотил полконтинента, а через двое, как и предрекал профессор, исчезла в нём и вся планета Земля.

Дальше планеты дело не пошло.

Для распространения энтропии, пустоты недостаточно, для неё, всё-таки, нужна плотная поверхность и, хотя бы одна маленькая дырка на ней.

Скачок напряжения

Я попрощался, сел в машину и уехал.

Все вопросы были заданы, ответы получены и в этом месте мне было делать нечего.

Место – участок земли, пятьдесят соток, в престижном районе Ленинградской области, с недостроенным загородным домом.

Туда, по рекомендации моего хорошего знакомого, меня вызывали в помощь заказчику – женщине средних лет, очень влиятельной особе, избавившейся от предыдущих подрядчиков, искавшей новых, чтобы определиться с перечнем работ под окончание строительства.

За несколько часов, осмотрев всё своим опытным глазом, я выдал заключение – пунктов двадцать основных работ и бесконечное количество вспомогательных. Определился с возможными сроками работ. Назвал предварительную стоимость, которая нисколько её не удивила.

Обменялся с заказчиком координатами. Взял тайм-аут в несколько дней, для детальной проработки, распрощался и уехал, с твёрдой уверенностью в том, что в этом месте меня не ждёт ничего хорошего.

Почему я решил, что работа, которую мне предложили, ничего кроме неприятностей, мне не принесёт? – Думать подругому я уже просто не мог. В последнее время всё, что я

делал, независимо от моих усилий, получалось не лучшим образом – не везло, и ожидание неприятностей уже вошло в привычку.

Кроме того, я был не первым подрядчиком, оказавшимся там. И никакие супер рекомендации не гарантировали, что меня не постигнет участь моих предшественников.

Заключу договор, думал я, получу минимальный аванс, выполню, по договору, всё самое сложное, а потом меня выгоняет с треском, не заплатив больше ни копейки. И я ничего не смогу с этим сделать, даже если работу, на которую я подрядился, выполню великолепно.

С частным заказчиком такое случается – не нравится и всё. И, как правило, на этом действительно всё – влиятельный клиент, может позволить себе многое, а спорить с ним, вредно для здоровья. – Что ему не нравится, тоже лучше не выяснять. Даже если ему не нравлюсь лично я, и к работе это отношения не имеет – ничего изменить нельзя. Самое правильное и простое в этой ситуации – молча уйти, пока не стало ещё хуже.

Я с этим сталкивался, пробовал это изменить и сильно на этом обжёгся. С тех пор, а прошло уже более пяти лет, я зарёкся – с частными клиентами, никаких работ.

Но жизнь, штука сложная, зарекайся, не зарекайся, сложится так, что ничего другого не останется. Заставит делать ещё и не такое. – Собачья жизнь.

Асфальтовые дорожки между частными домами вывели

меня к «Нижнему» шоссе. Я свернул влево, прибавил газу и устремился в сторону Санкт-Петербурга.

Шоссе с идеальным покрытием, извилистой лентой, вело меня мимо особняков, похожих на маленькие дворцы, выскакивала, время от времени, на берег Финского залива, открывая замечательные виды.

Мне всегда нравилось бывать здесь. – Уникальное место. – Чистейший морской воздух, корабельные сосны, местами, песчаный, местами, каменистый берег залива и тёмные прохладные невысокие волны до самого горизонта. – Мощь и скрытый потенциал. – Энергия этих мест, способна наполнить своей силой любого.

Но, видимо, не меня, и только не в этот раз.

В этот день я был закрыт для любого воздействия – закрыт и напряжён, погружён в себя, почти не воспринимал окружающего…

Почему происходит так? – думал я. – Трудно сказать. – Действия и поступки, кажутся правильными, никому не желаешь зла. Многое делаешь для своих близких. Стараешься быть внимательным мужем, любящим отцом, не жалеешь для родных, ни денег, ни времени, ни самого себя. Пашешь как ненормальный. Вещи – пожалуйста, поездка на курорт – без проблем. Всем всегда что-то надо. Пытаешься это дать, не считаясь с собой. А результат …? – Прямо противоположный ожидаемому. – Чуть стало трудней, и уже никому не нужен – жена злится, дети смотрят косо, отвыкли от труд-

ностей, и не желают разделять их со мной.

Правда, я и сам, не желаю разделять их ни с кем. – В этом я не вижу смысла. – Никто из моих близких не в состоянии мне помочь – грузить их своими проблемами и некрасиво и неразумно – всё равно, я должен справиться с ними сам. – Справиться, изменить ситуацию, вернуть всё обратно, поменять знак с минуса на плюс. А для этого нужно ни много, ни мало – отказаться от своих принципов, забыть о своих давних решениях и попытаться получить работу у частного клиента. – Амбициозной и очень влиятельной женщины, которой я не понравлюсь по определению.

Глупо рассчитывать на другое.

Каким бы специалистом я не был, я буду тратить её деньги, я стану её затратной частью, а это не нравится никому. Даже, если она готова к затратам – в ценах она, скорее всего, не разбирается, а значит, будет считать, что моя работа стоит дешевле, чем я ей озвучил, будет ждать от меня подвоха, не сможет мне доверять. Очень редкие люди способны объективно оценивать других, ценить их труд.

Недоверие, как раковая опухоль станет развиваться – сначала медленно, незаметно – затем, всё быстрей и быстрей, пока не заполнит собой всё.

Последнее время, думал я, всё, что происходит со мной, развивается именно так – неприятности растут, множатся…

Нельзя работать с частным клиентом, в который уже раз решил для себя я. – Нельзя, но бывает, что деваться неку-

да. – Мне очень нужна эта работа, и чтобы выжить, просто необходим, хотя бы, минимальный аванс. – Именно сейчас – тянуть нельзя – пока меня воспринимают нормально, пока я ещё похож на человека, умеющего решать проблемы, пока я ещё выгляжу как специалист.

– Да, … аванс необходим, – громко сказал я, пытаясь настроить себя на нужный лад. – Получить эту работу жизненно важно, следует постараться это сделать. А там, будь что будет…

– Нет, … не так, – поправил я себя. – Всё будет хорошо, а закончится замечательно, по-другому думать не годится. Нужно надеяться на лучшее, иначе не получится ничего.

Я ехал и ехал, неизбежно приближаясь к Петербургу, к своему офису, к принятию ненавистного для меня решения. – Напряжение росло.

С правой стороны мелькнула синяя табличка «Ушково», перечёркнутая красной полосой.

Значит я уже в Зеленогорске, подумал я. – До конечной точки моего маршрута оставалось примерно час пути, семьдесят километров расстояния, на преодоление которых, у меня уже не осталось сил.

Нужно остановиться, понял я, пока внутренние противоречия не прикончили меня окончательно.

Шоссе, петляя, в который уже раз, вынырнуло из соснового леса, и перед моими глазами предстал песчаный берег, невысокие волны до горизонта, каменная коса, уходящая под

прямым углом, вглубь залива. Летнее кафе с открытой террасой, расположенное на этой косе, за столиками которой, на удивление никого не было.

Я припарковался и устремился туда.

Свежий морской ветер, налетая порывами, немного остудил меня и привёл в чувства. Я слегка успокоился и понял, что очень хочу есть.

Ещё бы, подумал я, время обеда давно закончилось, дальняя дорога отняла порядочно сил, а тут ещё эти мои переживания. – Невесёлые и далеко не беспочвенные, как это ни печально, решил я.

Я сел за крайний столик лицом к воде. Шум прибоя и движение волн, убаюкивали, всё больше и больше, приводя в порядок мои расшатавшиеся нервы. Я почти заснул…

– Чего изволите? – вывел меня из оцепенения голос.

– Если можно, дайте меню.

– В этом нет никакого смысла. Время… – официант посмотрел на часы – пятнадцать тридцать. Комплексные обеды закончились. Шеф повар, появится после семнадцати. Могу предложить только салаты на выбор: «оливье», «греческий» и наш фирменный «капитанский». – Это такие кусочки трески горячего копчения…, – начал было объяснять он, но наткнувшись на мой недовольный взгляд, забыл про объяснения. – Ещё есть свежая выпечка, чай, кофе – будний день, извините, – закончил он и развёл в стороны руки, показывая, что больше ничего не может для меня сделать.

Я даже не удивился. – Этого следовало ожидать, думал я. – Всё, абсолютно всё, вокруг меня разваливается и идёт через одно место. Вот и сейчас из сотен кафе на берегу, я выбрал именно то, где нечего заказать.

– Ладно, – сказал я. – Давайте ваш фирменный «Капитанский», два куска чёрного хлеба и кофе «эспрессо».

Официант ушёл.

Я смотрел на волны и чёрная тоска, было оставившая меня, вернулась снова, и с каждым новым ударом прибоя о каменную косу, глубже и глубже погружала меня в пучину безумия.

– Даже дома…, шептал я. – Невыносимо. – Говорил же ей, потерпи…, трудно сейчас. …Ты мужик, вот и крутись…, как с ней разговаривать. Дети, вторя ей…

– Не нужен, не нужен никому…, – словно в бреду шептал я. … Сам себе не нужен такой…

Нет…, невозможно терпеть, думал я.

– Здравствуйте, – услышал я женский голос, возвращаясь к действительности.

Я поднял глаза и наткнулся на заинтересованный взгляд, симпатичной блондинки лет тридцати. На ней почти ничего не было – две полоски ткани купальника, прикрывающие только самые интимные места, а прозрачная шёлковая накидка, не могла скрыть всё остальное.

Нужно признать, что её фигура выглядела очень соблазнительно, но только она, всё равно, просчиталась. – Она

не могла меня заинтересовать, мне было не до неё. Я довёл себя до состояния, когда молодая симпатичная женщина воспринималась мной, как внешний раздражитель. – Ещё один раздражитель – один из многих – последний раздражитель, в ряду моего безумия.

Я с ненавистью посмотрел на неё.

Она, поймав мой взгляд, невольно отшатнулась.

Я резко поднялся со своего места, находиться рядом с кем бы то ни было, в тот момент, стало для меня невыносимо.

– Оставьте вы меня все в покое! – выкрикнул я ей в лицо.

Сделал шаг в сторону ограждения террасы. Перелез через него. Спустился на каменистую поверхность косы, и оглянулся.

На террасе я увидел женщину в накидке, от которой только что сбежал, и к которой, за несколько прошедших секунд, присоединился официант.

Эти двое явно были заодно. Они смотрели на меня и о чём-то перешёптывались.

– Ваш заказ мужчина! – крикнул мне официант.

– Да пошли вы всё! – крикнул я в ответ.

Развернулся и бегом устремился к кромке косы. – Туда, где метров через сто, она упиралась в волны Финского залива.

Осточертело всё – ненавистно и бессмысленно, думал я. – Ничто уже не имеет значения. – Даже если мне удастся вы-

крутиться, в моей жизни не осталось ничего важного. – Я и сам для этой жизни уже неважен. – Уже не за что цепляться и не держит больше ничто.

Я бежал, а тёмные волны стремительно приближались. Раздался телефонный звонок. – Не стану отвечать, решил я, снимая на ходу свою куртку, отбрасывая её в сторону, вместе с звеневшим в её кармане, телефоном.

Я не совсем понимал, куда и зачем бегу.

Сейчас, вспоминая тот эпизод, мне даже сложно представить, что я бежал свести счёты с жизнью – наверняка, это было не так. Но, тем не менее, я, целенаправленно бежал – бежал, чтобы броситься в Финский залив и раствориться в его необъятной бесконечности.

Я бежал, и никто – ни официант, ни милая, почти обнажённая его девушка-напарница, ни кто-то другой, не пытались меня остановить.

Если подумать – ничего удивительного в этом нет.

Ну, бежит человек топиться – и что? – Нужно ему помешать? – А как же свобода выбора и прочие институты? – Какое мы имеем право, вмешиваться в личную жизнь кого бы там ни было?

Другое дело – не заплатил за обед и пошёл топиться. – Тут уже другой коленкор, тут можно и спасти? – Пусть сначала заплатит, а уж потом, делает что ему угодно.

Но погони, за мной, как я уже заметил – не было.

Да и куда я мог деться с косы? – На сушу, я мог выбраться

только через кафе. А в море, без лодки, далеко не уплывёшь.

В любом случае, бежать за мной было некому. – У официанта и его подруги – местной проститутки, а она в тот момент, представлялась мне именно так – была другая работа, а выбивать деньги из несговорчивых клиентов должен был кто-то другой.

И я бежал – бежал, постепенно теряя силы, и остатки, непонятной мне самому, решимости, задыхаясь от быстрого бега.

Курить надо бросать, мелькнула мысль.

Вот добегу, а дальше что? – всплыл в сознании вопрос.

– А брошусь прямо с косы в воду и хрен с ним! – крикнул я громко, наверное, чтобы те, кто остались в кафе, тоже услышали.

Коса постепенно сужалась. – От десяти метров ширины, в месте, где я взял старт, осталось не более трёх.

На утоптанной песчаной дорожке, по мере моего продвижения, стали появляться выступающие, гладкие камни.

Бежать становилось трудней.

Я несколько раз спотыкался, один раз чуть не упал, но даже и не думал останавливаться – до дальней оконечности косы оставалось совсем немного.

Нужно ускориться, решил я. – Там, на кромке, я смогу оттолкнуться сильнее, и, мне удастся прыгнуть дальше.

Зачем мне было это надо? – В тот момент, я даже не думал. Просто, таким было моё решение. – Решение, основан-

ное на странном желании броситься в воду. – Утопиться? – Не думаю, но безумие толкало меня вперёд.

До края косы, оставалось несколько метров – дальше, моим глазам открывались, шипящие недовольно, от моего приближения, волны прибоя.

Собрав остатки сил, я прибавил ещё. В два прыжка, оказался на кромке, оттолкнулся, что было сил, и выстрелил вперёд.

Пролетел несколько метров горизонтально, а затем, стал падать вниз.

Падать было невысоко – не более трёх метров, но я просчитался.

Край косы, не обрывался вертикально вниз на эти три метра, как я рассчитывал. – Да…, он обрывался, это-то и ввело меня в заблуждение, но только не на три, а на два метра. Дальше каменистая поверхность, полого, уходила под воду.

Волны с периодичностью метронома накатывали на эту поверхность, ударялись в кромку косы, с которой я только что прыгнул, и скатывались обратно.

За доли секунды своего полёта, я смог оценить своё положение.

Эта оценка не сулила мне ничего хорошего.

Получалось так, что моё приземление произойдёт именно тогда, когда волны откатятся обратно в залив.

Расчёт оказался верным.

Я приземлился на скользкие камни, когда над ними абсо-

лютно не было воды, не смог удержать равновесие – пятка правой ноги, опережая меня, проскользнула на камне.

Я продолжил падение и со всего размаха сел на каменистую поверхность, больно ударившись копчиком. – Проехался на заднице вперёд, непроизвольно выгнулся от острой боли и поймал затылком свой второй камень.

Затем, меня накрыло набежавшей волной.

Может быть, на короткое время, я терял сознание. – Установить это теперь, не представляется возможным, но следующее, что я помню, это, как моё, превратившееся в комок боли, тело, болталось в волнах прибоя, под обрывом косы.

Я лежал на спине, лицом к небу, а волны таскали меня по скользким камням – вперёд и назад.

Превозмогая боль, и дождавшись, когда волны откатятся снова, я попытался встать.

Это у меня получилось не сразу.

Первый раз я успел встать на четвереньки, но был опрокинут обратно на спину набежавшей волной. Сообразив, что нужно двигаться быстрее, во второй раз, я почти успел встать, но мои ноги, плохо меня слушались, я поскользнулся, и снова был сбит волной. В третий раз, мне удалось встать и ухватиться за кромку обрыва. Очередная волна ударила мне в ноги, поднялась почти до моей груди, и откатилась назад, пытаясь утащить меня с собой, но я удержался.

Один раз, другой, третий.

Я понимал, что долго в таком положении мне не устоять

и самостоятельно выбраться на поверхность косы вряд ли удастся.

Я чувствовал, что пальцы на моих руках немеют.

Да…, с тупым безразличием, подумал я. – Скоро я перестану их чувствовать, руки соскользнут, и я снова окажусь в полной власти волн.

Эта мысль не вызвала во мне никаких эмоций.

Я словно смотрел на себя со стороны.

Наверное, я и в самом деле, сильно ударился головой, чувства притупились и собственная судьба, стала мне безразлична.

Плевать, решил я. – Когда я не смогу удерживать себя в таком положении, я больше сопротивляться не буду. Пусть эти волны утащат меня куда-нибудь. А то, стою как придурок у обрыва с поднятыми руками. – Надоело уже.

Видимо, от сотрясения, я действительно, плохо соображал, мне и в голову не могло прийти, что стоит мне разжать пальцы рук, и оказаться во власти стихии, как я, с очень большой вероятностью, могу погибнуть.

Но в тот момент, мне действительно было всё равно.

Я почти ничего не воспринимал вокруг.

Наверное, поэтому, я не сразу услышал голос:

– Хватайтесь…! Хватайтесь скорей!

Я поднял голову, посмотрел вверх, и увидел руки, протянутые мне навстречу.

Две руки, которые не принадлежали одному человеку.

Это были руки разных людей.

Скорее всего, глядя на них, думал я, одна принадлежит мужчине, а другая женщине.

Я поднял свой взгляд выше.

Там, за кромкой обрыва, на меня, действительно, смотрели две пары глаз – официанта из кафе и его подруги в прозрачной накидке.

Руки принадлежали им.

Эти люди мне не нравились.

И я, достаточно зло, крикнул им:

– Что вам опять нужно от меня? – Оставьте вы меня в покое.

Они, в недоумении переглянулись и официант сказал:

– Не валяйте дурака. Хватайтесь за руки, и мы вас вытащим. – Хватайтесь скорее, пока ещё не поздно. Если вас смоет, мы не сможем вам помочь.

Я представил всю нелепость своего положения. – Мокрый до нитки, стою под обрывом, не имея возможности сделать шаг. – Беспомощный и совершенно не контролирующий ситуацию, как дурак, цепляющийся за кромку обрыва и не желающий принимать, чью либо помощь.

Нужно было что-то менять.

Я отодвинул подальше своё безумие и ухватился за руку официанта.

Волна, в который уже раз, ударила меня по ногам, окатив прохладной водой спину. Немного приподняла над поверх-

ностью, на которой я стоял, и мне удалось ухватиться за руку женщины.

Они общими усилиями удерживали меня, а я висел полностью в их власти. Чувствовалось, что им тяжело, но они упорно тащили меня наверх. Я пытался им помогать, отталкиваясь от выступающих из стены камней.

– На счёт три, – услышал я команду мужчины. – Через несколько секунд снова накатит волна и немного вас подтолкнёт. – Я скажу три, а вы, в этот момент, отталкивайтесь ногами, что есть сил.

– Раз, два, три.

Усилие, приложенное к моим рукам, возросло, моя правая нога удачно встала на приличный уступ. Я собрал остатки своих сил и оттолкнулся от него что было мочи. Одновременно с этим, волна, ударила и подтолкнула меня. И я, как пробка из бутылки шампанского, вылетел вверх и приземлился на камни, присыпанные песком, за кромкой обрыва.

Я снова ударился, но боль уже не была острой, а может быть, я уже привык к боли, ведь у меня, на моём теле, не осталось ни одного живого места.

Хорошо меня отделал, Мировой океан, пока я болтался в кромке прибоя, с печальной улыбкой подумал я.

Я лежал ничком вниз, за кромкой обрыва и пытался прийти в себя.

Отдышавшись, я перевернулся на спину и открыл глаза.

Прямо надо мной было пронзительно синее небо, чуть ни-

же, на полпути к горизонту сияло жёлтое Солнце, не слепящее под острым углом, моих глаз.

Тёплый ветер с залива, ласково трепал мою одежду и нежно обдувал лицо. – Было даже приятно.

Я прислушался к себе и улыбнулся. – Мне показалось, что моё безумие кончилось.

Может быть, оно и не ушло совсем, думал я. – Но, в данный момент, куда-то бежать в отчаянии, не требовалось. Да, и не было больше никакого отчаяния, понял я.

– Жизнь продолжается, – мысленно сказал я себе. – А в этой жизни остались дела.

Вспомнился не отвеченный вызов по мобильному телефону. – Я сам выбросил свою куртку, когда бежал к обрыву, а телефон находился в ней.

– Чёрт…, – невольно вырвалось у меня.

Кроме телефона, в той куртке, остались документы, а кроме документов и телефона – деньги – наличные и несколько банковских карт, – нервничая, вспомнил я. – Где теперь моя куртка? – Что на меня нашло?

Было необходимо, как можно быстрей, возвращаться к действительности.

Я посмотрел налево и встретился взглядом с блондинкой, лежащей рядом со мной на спине.

Видимо, ей тоже требовалось немного отдохнуть, после экстренного спасения меня.

Она улыбалась.

– Глупо всё получилось, извините, – начал я. – И спасибо вам…

– Вижу, что вам значительно лучше, – ответила она, не дав мне закончить фразу. – Купание явно пошло вам на пользу.

Она немного заинтриговала меня. Этих слов я от неё не ожидал и сходу, не нашёлся чем ей ответить.

– А благодарить нужно Василия, – продолжала она. – Это была его идея вас спасти. – Его можно понять. – Не так уж он много зарабатывает, чтобы платить ещё и за ваш обед.

Я удивился ещё больше.

– Лично я за свободу выбора, – добавила она. – Ну, бежит куда-то человек, пусть бежит, когда добежит, всё равно поймёт, что бежать, было некуда. Я и Васе, там, на террасе, сказала:

– Пусть бежит, с деньгами, если что – разберёмся.

– Да уж, знаем мы, – услышал я голос справа и повернул голову. – С вами Ирина Павловна разберёшься. – Придёт время зарплату получать, удержите по полной программе, – сказал официант, лежащий на спине справа от меня.

Женщина рассмеялась.

Я снова повернул голову к ней, чувствуя, что здравый смысл снова ускользает от меня.

– Не слушайте его, – сказала она, обращаясь ко мне. – На самом деле, я очень добрая. Такую начальницу ещё поискать нужно.

– Да я, Ирина Павловна, ничего плохого сказать не хотел,

наоборот…, – оправдывался Василий.

– Ладно, лежи уж там, знаю я тебя как облупленного – одни деньги на уме.

– Вы Ирина Павловна не так меня поняли…

– Понимать тут нечего. Я всегда говорю – будь, прежде всего, внимательным к клиенту. Вот я, хоть и владелец кафе, но ничего, выхожу поздороваться, проявить участие. Проявляю личную заинтересованность. А ты?

– А что я, я тоже…

– Что тоже? – Делаешь всё небрежно, почти нехотя…

Я слушал их разговор в пол уха. Прислушиваться было нельзя. Странная сила, резонируя с их голосом, увеличивала свою амплитуду и воздействовала на меня с каждой секундой сильней. Я чувствовал, ещё немного и я опять побегу. Но только на этот раз, как верно заметила Ирина Павловна – бежать больше некуда. А раз так, значит, на этот раз, я сойду с ума.

– Хватит! – закричал я, не в силах сдерживаться.

Голоса на мгновение стихли, но уже через секунду я услышал строгий голос Ирины Павловны:

– Вы не имеете никакого права здесь кричать, и я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали.

– Извините, не сдержался, всё это последствие…

– Последствие чего? – перебила она, не дав мне договорить. – Вашего безумия. – Не надо забывать, что вы находитесь в гостях, на моей территории. Эта коса и кафе на ней –

моя собственность, не говоря уже о том, что мы вас спасли. К тому же, мы даже ещё не знакомы. Мы с Василием не знаем вашего имени.

– Владимир Сергеевич, – ответил я. – И ради бога, извините, я и в самом деле был несколько не сдержан. Накопилось всякого, вот и прорвалось. Вы совершенно не причём, и я не имею никакого права вымещать на вас…

– Вот именно…, – снова перебила она. – Хорошо, что вы это понимаете Владимир. Приятно было познакомиться. И я, как радушная хозяйка, приглашаю вас на обед, в своё кафе.

– С удовольствием, – автоматически, ответил я и тут же почувствовал насколько странным, учитывая обстоятельства, выглядит это её предложение, и насколько я сам, не готов к званым обедам.

Пригревшись на солнце и переключившись на разговоры с этими людьми, я совершенно забыл, в каком состоянии и как, здесь оказался.

– Кушать подано! – почти в ухо прокричал мне Василий и рассмеялся. – Ваш обед давно на столе…

– Ну…, Васенька, не надо иронии, – сказала она. – Нужно накормить Владимира Сергеевича нашим фирменным обедом. – Надеюсь, пока мы тут кувыркались, Степан Фёдорович уже подъехал.

– Я всё понимаю, Ирина Павловна, фирменные блюда…, шеф повар приготовит другой обед, а кто будет платить за этот…, – возмутился официант.

– Не занудствуй Василий, я тебе уже всё объяснила. – Нужно быть внимательней к клиенту, а с деньгами мы разберёмся.

– Знаю я, как вы разбираетесь…, – недовольно, в полголоса ворчал Василий.

Мы возвращались по каменистой косе назад.

Я, к своему удивлению, мог идти самостоятельно.

Василий быстрым шагом ушёл вперёд, видимо, спешил дать указания шеф повару по организации званого обеда. Мы же, с Ириной Павловной, под ручку, ковыляли следом.

По пути, между двумя крупными валунами, нашлась моя куртка.

Мне повезло, что её не сдуло в залив.

Быстро проверив карманы, я убедился, что документы и мой портмоне на месте и достал сотовый телефон.

– Срочный звонок? – спросила Ирина Павловна.

– Звонить никому не требуется, – ответил я. – Но когда я бежал, кто-то пытался связаться со мной. Хочу проверить насколько это важно.

Я вывел телефон из спящего режима и увидел, что не отвеченных вызовов, на самом деле, три.

Первой звонила жена.

Вторым звонил мой друг, тот, который порекомендовал меня частному клиенту, но этот звонок я уже услышать не мог, куртку на тот момент, я уже выбросил. Соответственно, я не мог услышать и третий. – Последний не отвеченный

вызов от частного клиента, той самой, богатой, амбициозной женщины, с которой я встречался несколько часов назад.

Это конец, – подумал я. – Этой женщине, звонить мне было незачем. Мы обсудили с ней, практически, всё и расстались совсем недавно. – Звонить она могла только по одной причине. И причина эта очевидна. – Она могла звонить сама, только для того, чтобы получить маленькое удовольствие и лично сообщить, что не нуждается в моих услугах. – Чем-то я ей не понравился.

И это закономерно, – думал я, – эти люди за километр чувствуют неудачников и никогда не станут связываться с ними, чтобы избежать ненужных проблем.

Наверное, я изменился в лице, потому что лицо Ирины Павловны изменилось тоже.

– Что-то случилось Владимир, – спросила она.

– Полный п****ц, – невольно вырвалось у меня.

Она нисколько не смутилась и сказала:

– Это эмоции и нет таких проблем, которые невозможно было бы решить. Или почти нет. В любом случае, наверное, сначала стоит позвонить?

В большинстве случаев, она, скорее всего, была бы права. В моём – это был бесполезный совет. – Позвонить, чтобы выслушать по телефону то, что я уже понял и так. – Нет…, не сейчас, думал я. – Конечно, позвонить стоило, но только чуть позже. – Нервы успокоятся, я начну сомневаться, придумаю другую причину звонка и попробую позвонить, наде-

ясь на лучшее…

И почему я выбросил свою куртку и не ответил на звонок сразу? – сокрушался я. – Мог бы уже спокойно утопиться, пока был к этому готов и избавился бы разом от всех проблем.

Видя, что я не собираюсь отвечать, Ирина Павловна, добавила:

– Не переживайте Владимир, справиться можно со многим. Расскажите мне, в чём проблема и, возможно, я сумею Вам помочь.

Она снова удивила меня. – Неужели ей настолько одиноко или скучно, – думал я, – что она готова принимать участие в таком …, я не смог подобрать для себя нужного определения, как я.

– Ирина Павловна! Вам-то, зачем это надо! – воскликнул я.

Она на минуту замолчала – то ли подбирая слова, то ли обидевшись. – Симпатичная женщина с идеальной фигурой, далеко не глупая, владелец кафе в престижном месте, неплохо обеспеченная, пытающаяся принять участие в каком-то оборванце. – Именно так я и выглядел тогда, и я, действительно, её не понимал.

– Знаете Володя…, – задумчиво сказала она. – Хотела поговорить с вами об этом за обедом, но видимо, придётся сейчас. – Возможно, вам покажется это странным…

Она снова на мгновение замолчала, не зная, как правиль-

но продолжить.

– Вы верите в предопределение судьбы? – неожиданно спросила она.

Конечно, я верил.

Иначе как ещё можно было объяснить ситуацию, в которой я оказался. – Я никогда бездельником не был, вкалывал как проклятый каждый день. Многие считали меня неплохим специалистом, я и сам считал себя именно таким. Мне нравилось то, что я делаю. Я умел и знал, как нужно работать и до недавнего времени, у меня всё получалось. Но в последние несколько месяцев, обстоятельства складывались так, что…

Я не стал ей отвечать.

Её вопрос, как и мой возможный ответ, лежали вне плоскости моих жизненно важных интересов.

– А вот я, верю, – сказала она. – Не стану утомлять вас ненужными подробностями, но сложилось так, что в тот момент, когда вы перелезли через ограждение и побежали по косе, мне принесли мой гороскоп. – Несколько дней назад, я заказала его у очень известного астролога. – Там, сказано, что сегодня в моей жизни появится человек, который изменит мою жизнь и с которым я смогу быть очень счастлива.

– Я посмотрела на вашу удаляющуюся спину и сразу поняла, что этот человек – Вы.

От неожиданности, я на мгновение забыл о своих пробле-

мах и, не сумев сдержаться, расхохотался в полный голос.

Я даже остановился и загнулся от смеха пополам.

Я смеялся, до коликов в животе, почти задыхаясь, от этого смеха.

Слова Ирины Павловны были ни при чём.

Вернее, они настолько не вязались с моим представлением о порядке вещей, что послужили причиной моего первоначального смеха, но они, не были настолько смешны, чтобы смеяться так.

Мой смех был похож на истерику, на прорвавшийся гнойник, на приступ лихорадки, и я хохотал и хохотал, и никак не мог остановиться.

Она смотрела на меня с неприязнью, не понимая причин моего состояния.

– Я сказала что-то смешное? – Объясните, давайте посмеёмся вместе.

– Простите Ирина Павловна, – сказал я, давясь от смеха. – То, что вы сказали несколько неожиданно, но не настолько смешно…

– А насколько?

– Ну, посудите сами, – ответил я, почти справившись со своим весельем. – Появляется случайный человек, можно сказать псих, совершает непонятные поступки: бросается в воду, прямо в одежде, отвечает неадекватно, полон нерешённых проблем.

– Да, – продолжил я, – могу согласиться – это эксцен-

трично и если принять за аксиому, что этот человек не сумасшедший, то возможно, его действия кому-то и понравятся… Но вот сделать кого-то счастливым? – Очень сильно сомневаюсь, что такой человек на это способен.

– Что же касается меня, – добавил я. – Ко всему прочему, я ещё и женат. – Вы, Ирина Павловна, поймите меня правильно, вы очень привлекательная женщина и мне очень лестно, что, видимо, я чем-то вас привлёк, но если вы ищете серьёзные отношения, то это точно не я.

Она молчала, опустив голову, не глядя на меня.

В тот момент, она мне показалась маленькой потерянной девочкой. – Человеком, у которого отняли последнюю надежду.

Мне стало жаль её.

– Не расстраивайтесь, – сказал я, пытаясь хоть как-то её утешить. – И не верьте, вы этим гороскопам, там ещё и не то напишут.

Она печально посмотрела на меня.

– Мне нечему больше верить Володя. Нечему и некому. – Ладно, пойдёмте обедать.

И взяв меня снова под руку, увлекла за собой.

Где-то, полчаса спустя, я снова сидел на террасе кафе. Сидел за столиком один. На мне были одеты синие холщовые шорты, разукрашенные пальмами, зелёная футболка с портретом какой-то рок звезды на груди и пляжные шлёпанцы.

Эта одежда, не вполне подходящая мне по размеру, на-

шлась в подсобных помещениях кафе и принадлежала то ли бывшему мужу, то ли брату Ирины Павловны. Мою одежду она забрала в стирку, оставив мне только мою летнюю куртку.

Честно говоря, выбравшись на террасу кафе, я собирался, извинившись ещё один раз, просто уехать домой.

– Нет, Володя, – сказала Ирина Павловна. – Обед никто не отменял. И вообще, я вас спасла и вы теперь мой должник. – Отвертеться не получится.

Она была права, я и в самом деле был обязан ей. И я её понимал. – Она свято верила своему астрологу. И хотя, мои логические построения, выглядели очень убедительно, она страховалась, решив продержать меня в своём кафе до конца дня, или до момента, пока здесь не появится ещё кто-нибудь для неё подходящий…

Я сидел и украдкой разглядывал посетителей кафе.

Время неуклонно двигалось к вечеру и посетителей становилось больше.

Ирина Павловна, время от времени, появлялась на террасе, подходила, следуя своим правилам, к каждому из новых посетителей, приветливо улыбалась мне и снова убегала по своим делам.

Постепенно мне становилось скучно, я не видел никакого смысла находиться в этом кафе.

Чувство голода у меня присутствовало, но слишком длительное ожидание способно убить любой аппетит.

Что я здесь делаю? – думал я. – У меня куча нерешённых проблем, а я сижу в этом кафе на пляже и жду неизвестно чего.

– Извините Володя, – сказала Ирина Павловна.

Я, задумавшись, даже не заметил, как она подошла.

– Совсем замоталась, бросила вас одного…, а вам и так досталось…, бедненький…

И она нежно погладила мою руку, лежащую на столе.

Ответить я не успел.

– Ирина Павловна…, – раздалось из глубины зала, к которому примыкала терраса.

– Ну, вот, спокойно поговорить нам не дадут, – сказала она. – Нужно идти.

И она исчезла опять.

Интересная женщина, – подумал я. – И самое главное, судя по всему, я ей не безразличен. Эх…, в другой ситуации, в другое время и в другом месте, я мог бы и не устоять, и…

– Ваш кофе – эспрессо, если я правильно помню.

Я снова задумался и не заметил, как ко мне подошёл Василий и оборвал поток моих грустных мыслей.

– Ирина Павловна, заказала его для вас, – добавил он, увидев мой удивлённый взгляд.

– Спасибо, – ответил я.

Кофе, и в самом деле, хотелось, а Ирина Павловна, добавила к своей привлекательности ещё несколько очков.

Я положил в чашку два кусочка сахара, медленно их раз-

мешал, сделал один маленький глоток, смакуя свой любимый напиток.

Кофе был приготовлен великолепно.

Я приподнял чашку, пытаясь сделать ещё глоток. – Зазвонил телефон.

Я поставил чашку на место, мысленно выругавшись.

Звонил мой друг, и это могло быть интересным.

Момент истины, – подумал я с грустной улыбкой. – Сейчас он расскажет, почему моя жизнь кончена.

– Привет Володя, – услышал я жизнерадостный голос в трубке. – Исчез, на звонки не отвечаешь.

Я машинально переключил в телефоне окно и посмотрел на время его предыдущего звонка.

Прошло почти два часа.

– Извини, но не мог говорить, собирался перезвонить, но ты опередил, – ответил я мрачно.

– Ладно, старик, ерунда, ничего сверхсрочного. Эльвира Николаевна просила меня тебе перезвонить.

Я живо представил заказчика – серьёзную и влиятельную женщину, у которой я сегодня утром определял фронт работ.

И которая, я мысленно улыбнулся, через несколько часов, с треском вышибла меня с этого объекта. И теперь…

Мой друг между тем продолжал:

– Так вот Володя, Эльвира Николаевна завтра улетает за границу. – Неожиданная поездка на месяц. – Просила передать, что она обдумала твоё предложение, готова начать

работы, и самое главное, готова проплатить аванс. – Не хочет терять целый месяц, пока будет в отъезде. – Как тебе новость?

Новость была замечательная, а учитывая, что я уже почти поставил на этой работе крест – сногсшибательная.

Это возвращало меня к жизни.

Видимо, кому-то на небе, я всё ещё не был безразличен.

И я улыбнулся.

– Володя…, ты как там, живой, отзовись, – раздалось из трубки телефона.

Я был более чем просто живой, но задумавшись, я совсем забыл, что разговариваю по телефону.

– Да, здесь я, здесь, задумался только, слишком уж это оказалось неожиданным.

– Так ты что, не готов к этой работе? – волнуясь, спросил мой друг.

– Нет…, нет, – поспешил ответить я, – конечно готов. Но после твоего звонка, всё несколько ускорилось и придётся теперь перераспределить своё время.

– Хорошо, – ответил он, успокаиваясь. – Давай, перераспределяй и завтра, с десяти до двенадцати, будь добр, приехать к Эльвире Николаевне. – И ещё, Володя, я тебя очень прошу – не подведи меня. Я за тебя поручился, а с этими людьми, сам знаешь – шутки плохи. Если что, и тебе и мне голову оторвут.

– Не волнуйся, всё будет хорошо. И спасибо тебе, – отве-

тил я.

– Спасибо не булькает, – шутя, ответил он. – Мы ещё вернёмся к этому вопросу.

– В любой момент, – согласился я.

Мы попрощались.

А я почувствовал – буквально, физически почувствовал, как напряжение вне меня и у меня внутри, стремительно падает и сходит на нет.

Когда оно стало равно нулю, ко мне снова подошла Ирина Павловна.

– Как вы Володя? – Ожидание, наверное, замучило вас окончательно? – спросила она.

Я молча пожал плечами.

– Потерпите ещё немного. Шеф повар сказал, что наш обед скоро будет готов.

– А что всё-таки за обед?

– Никаких вопросов, когда будет готово, увидите – вам понравится, – ответила она, лукаво улыбаясь и грозя мне своим пальчиком. – Пока это секрет. Скажу только, что это наше фирменное блюдо, в меню его нет, и предлагается оно, далеко не всем гостям.

И она убежала снова.

Позвонила жена.

– Ты где дорогой? – Когда тебя ждать?

– Даже и не знаю, но рано не получится это точно…, – задумчиво ответил я.

В тот момент я и правда, не знал, где я.

Дрифташтепсель

Я услышал от него это слово и сразу набрал в поисковике.

Картинки, несколько сайтов с видео, связанных со словом дрифт или штепсель, о «дрифташтепселе» не нашлось ничего… Чётко объяснить это понятие поисковик не сумел. Лично я и не сомневался, что будет именно так. На мой взгляд, такого понятия и не существовало. Дрифт – есть, штепсель – есть, но, чтобы их объединить нужно несколько больше, чем фантазия моего двоюродного деда. Я хотел ему об этом сказать, но он опередил.

– Не трудись, Володька, – сказал он. – Это секретная штука и вряд ли её описание будет в свободном доступе.

– А не в свободном – есть? – с сарказмом спросил я.

– Не в свободном, есть, да, не про твою честь. Я подписку на двадцать пять лет давал, а прошло только двадцать.

***

Этот разговор состоялся в августе 2010 года.

Признаюсь, честно, выйдя за порог квартиры своего деда, я тут же забыл о его «дрифташтепселе». В тот момент все мои мысли занимала девушка Варя, с которой я недавно познакомился, а секреты старого «параноика» можно было отложить и на потом, а лучше навсегда.

Но вы сами знаете, как это бывает.

Кажется, что-то важным, но проходит пять лет, и нет

в обозримом пространстве никакой девушки Вари. Нет даже Нади, Гали и Людмилы, которые были после неё. Оказывается, что ровно через пять лет, вообще, нет никакой девушки и от этого грустно и одиноко и, возможно, именно поэтому в такой момент вспоминаешь о своём двоюродном деде, который тоже совсем один, ждёт тебя к себе в гости, а ты был у него последний раз месяца три назад.

Срываешься и бежишь к нему пока есть свободное время, предварительно согласовав это время по телефону. К деду приходить без согласования было нельзя – мог даже дверь в квартиру не открыть – он помешан на своих негласных правилах. – Каких? – Толком неизвестно, он в них никого не посвящает, но звонить заранее нужно. Даже если он окажется дома, раньше, чем через два часа к нему не прийти.

Что он делает эти два часа? – Всё, что угодно, но только не закуски к приходу гостей. – Звонит на свой секретный завод, где когда-то работал и просит, чтобы активировали жучки?! – думаю я иногда в шутку. – Прячет следы своей тайной страсти? – Трудно сказать. Но когда к нему входишь – квартира прибрана идеально, он выглядит слегка настороженным, а кроме кофе, чая и бутербродов, никогда ничего не предлагает.

Может быть, у него больше и нет ничего, ведь он одинокий старик – восемьдесят пять лет, не шутка. – Несколько месяцев назад праздновали его день рождения.

В любом случае, в таком возрасте простительны многие

странности.

Я всё сделал, как полагается.

Позвонил, договорился о встрече и через несколько часов пришёл.

Позвонил в дверь.

Он открыл.

Мы поздоровались.

Я вошёл в прихожую и снял верхнюю одежду.

Дед, подошёл ближе, слегка обнял меня и ткнулся своей щетиной мне в щёку. Я обнял его в ответ.

Чтобы кто не подумал, но мы очень любим друг друга и всегда рады нашей встрече.

– Редко заходишь, – сказал дед.

– Да, извини, но дела…

– Ладно тебе дела…, какие у вас молодых могут быть дела? – Все твои дела – ниже пояса.

Я улыбаюсь.

– Что, угадал? – То-то! Старого чекиста не проведёшь! – не унимается он, хотя, насколько я знаю, чекистом он никогда не был.

– Угадал, – отвечаю я, стараясь потешить самолюбие старика. – Но все эти дела уже закончены, – добавляю я, пытаясь уйти от подробностей.

– Как, совсем? Что-то рановато, для таких ограничений. Ты это Володька брось. В твоём возрасте это вредно.

– Временно дед, надеюсь, что временно, – говорю я,

немного раздражаясь.

– Ладно, – говорит он. – Пойдём чайку попьём. Выпьем по кружечке за встречу, тем более что день знаменательный. Можно сказать, что у меня праздник.

– Какой? – удивляюсь я.

– Уже неделю как, – отвечает он. – Но давай по порядку. Сядем за стол, за чаем и расскажу.

Он проходит в кухню, я иду следом.

Переспрашивать бесполезно, пока он не будет готов сам – рассказывать не станет – такой характер, но думать никто не может запретить.

Пока он ставит на плиту чайник, достаёт из холодильника масло и колбасу, из хлебницы батон в нарезке, я думаю. – Его день рождения мы уже отметили. Он пенсионер – нигде не работает. Своей семьи нет. Из ближайших родственников я всех знаю. В первом приближении поводов для веселья нет, но это только моя точка зрения. Кузьмич, дед особенный. И я не исключаю, что он способен преподнести парочку сюрпризов.

Наконец, всё готово. – Комплектующие для бутербродов на столе. Там же банка растворимого кофе, пачка с одноразовыми пакетиками чая, сахар, горсть шоколадных конфет, салфетки. Мы сидим напротив друг друга, а пустые чашки стоят перед нами.

– Дальше Володя сам. Выбирай, что хочешь.

– Спасибо! Я, наверное, кофейку и бутерброд. Тебе сде-

лать?

– Пока нет, а ты давай, не стесняйся. Нужно всё съесть.

Ещё несколько минут суеты, которые быстро проходят.

Перед нами дымящиеся чашки, я ем свой бутерброд, дед поглядывает на меня.

– Так вот, Володя, праздник, – говорит он, когда я проглатываю последний кусок. – Готов слушать?

Я киваю головой, вытираю губы и руки салфеткой, смотрю на него.

– Праздник, наверное, громко сказано, – продолжает он. – Кому-то может показаться, что это, вообще, ничто, но для меня это не так. Для меня это если и не праздник, то событие. Событие более значительное, чем мой недавний день рождения.

– Не представляю, что может быть значительнее дня рождения? – замечаю я.

– Ты ещё многого не можешь представить, Володя, но поверь старику – такие события есть.

– Дед, предупреждаю сразу, чтобы потом не разочаровывать, – чуть вызывающе говорю я. – Любые разговоры на тему политики не приветствуются. Мне они не очень интересны и важность этих тем для меня под большим вопросом.

– Без политики, Володя, ничего не бывает! Ты пёрнуть без политики не сможешь, а насколько это важно, решай сам. Но речь пойдёт не о ней, хотя отчасти и о ней тоже, но в основном обо мне.

Я видел, что дед нервничает.

Моё высказывание его задело.

Я чувствовал, ещё немного и он замкнётся в себе, доверительного разговора не выйдет, а мне очень хотелось его послушать.

Нужно исправлять ситуацию решил я.

– Не сердись дед, рассказывай, что хочешь. Сам не знаю, что на меня нашло. Ляпнул первое, что пришло в голову. Все эти СМИ, война, агрессия, передел власти. Только телик включишь, уже тошнит – вот и вырвалось. А ты говори, что хочешь. Мне всегда интересно тебя слушать.

Дед хитро посмотрел на меня, ухмыльнулся.

– Ну, ты, Володька, и лис, прямо, как я в молодости, но болтаешь лучше, да и соображалка многим фору даст. Ладно, уговорил, слушай, но история будет длинная.

Я изобразил предельное внимание. – Вытянулся навстречу ему и немного выпучил глаза.

Кузьмич рассмеялся в голос.

Я рассмеялся в ответ.

Доверие было восстановлено.

– Перестань кривляться, – беззлобно с улыбкой сказал он. – Речь пойдёт о серьёзных вещах. Самых главных в моей жизни.

– Я весь внимание и настроен на предельное понимание, – с улыбкой ответил я.

– Возраст…, – задумчиво сказал дед. – Даже не знаю, ну-

жен ли тебе мой рассказ?

– Ещё как нужен, – уже более серьёзно ответил я. – Эмоции немного зашкаливают, не обращай внимание, скоро пройдёт и я, действительно, готов слушать.

– Хорошо. Мне самому не терпится высказаться. Столько лет терпел, а кроме тебя, похоже, и некому.

– Всегда к вашим услугам, – вырвалось у меня. – Ты начал что-то про праздник, – добавил я.

Дед покачал головой, задумался на мгновение и сказал:

– Примерно неделю назад прошло двадцать пять лет, как я давал подписку о неразглашении. Новую подписку не потребовали. Может быть, забыли обо мне или то, что я знаю, стало неважным, а может быть, думают, что меня нет в живых. В любом случае, напоминать о себе я не собираюсь. Чувствую себя намного свободнее, даже дышится легче. Это, Володя, и есть мой самый главный праздник.

– Серьёзные секреты приходилось хранить?

– Считал, что серьёзные. Любые вопросы, связанные с обороной – серьёзные.

– И теперь можешь их рассказать?

– Могу, но привык молчать. От одной этой возможности становится не по себе.

– Ладно, расслабься, – сказал я, пытаясь добавить в свой голос бодрые нотки. – За двадцать пять лет любая оборона изменилась и обновилась раз пять. Технологии поменялись, а все секреты такой давности интересны только историкам.

Хочешь высказаться – говори. Бояться нечего. Да и я никому не скажу, если для тебя это важно.

– Спасибо, Володя. Для меня это и правда, важно. Не рассказывай никому, о чем здесь услышишь. Я хоть и думаю примерно, как ты, но в жизни повидал всякое. Иногда случаются страшные вещи из-за, казалось бы, незначительных причин.

– Каких причин? – машинально спросил я.

– А таких. – Выдал по глупости пять лет назад название, а ты взял и ввёл его в поисковик. Хорошо ещё на моём компьютере.

– Что за название? – я действительно уже не помнил.

– Забыл уже. А ведь мне звонили потом из службы безопасности. Вопросы задавали, напоминали о подписке, а я унижался, каялся в стариковской глупости и молил бога, чтобы ты не повторил свой поиск с другого компьютера.

Пронесло, услышал бог мои молитвы. Ты не повторил и всё улеглось.

– Да о чём, речь-то? – почти выкрикнул я.

– Скажу, – почти шёпотом заговорщицки ответил дед. – Сил нет терпеть, оттого и скажу. Но ты Володька смотри…! Не проболтайся!

Я вызывающе с немым укором посмотрел на него.

– ДРИФТАШТЕПСЕЛЬ! – выдал он и отвернулся.

Я не выдержал и расхохотался.

Вышло немного нервно, но всё равно было смешно. Все

его страхи, годы мучений, заговорщицкий шёпот, вылились в одно нелепое слово, не объясняющее ровным счётом ничего.

Я вспомнил тот момент пять лет назад.

Уже тогда ему не терпелось удивить меня волшебным прибором, но случился конфуз – поисковик чётко дал понять, что никакого «дрифташтепселя» в природе не существует. И это не более чем старческий маразм.

– Извини дед, но мне кажется, что ты переживаешь зря, – ответил я, насмеявшись всласть. – Эта штука …, – я запнулся, пытаясь подобрать слова, чтобы его не обидеть.

– Сам ты…, – выкрикнул дед. – Умные очень, всё им смешно, а простой вещи понять не могут. Самое очевидное – уже невероятно, а тайное – невероятно вдвойне.

С этими словами он встал из-за стола и, не оглядываясь, вышел из кухни. Я подумал, что он обиделся, но через минуту он вернулся обратно, держа в руке сверкающую сферу сантиметров семь – восемь в диаметре.

– Что это? – спросил я.

– А сам, как думаешь? – Ты же у нас умник, в институтах обучался. Скажи старику, что это за штука такая?

– Это он?

– Да, это он. Собственной персоной. Дрифташтепсель образца 1990-го года. Странный прибор, странного года, в руках старого маразматика.

– Ладно, дед, не заводись…

– Не перебивай! Ты уже много чего наговорил, но больше всего меня задело то, что ты мне не доверяешь.

– Необычно всё как-то, вот я и…

– Лучше помолчи, Володя, не ухудшай ситуацию. Я немного сержусь, но я тебя понимаю, и это никак не влияет на наши с тобой отношения. Несколько минут, и я остыну – сможем нормально общаться, а пока просто послушай.

– Сфера диаметром 7, 63 сантиметра из высокопрочного сплава нержавеющей стали, – продолжал он, – толщина стенки 18 миллиметров. На своей поверхности имеет двенадцать контактов, две группы по шесть штук, с разных сторон красного и синего цвета соответственно. В каждой группе контактов – два длинных и четыре коротких. Между контактами кнопка активации. Внутри сферы – сложнейшая электронная начинка – ничего о ней не знаю. Крепится прибор к блоку управления маршевого двигателя многоразовых космических челноков. Предназначен, для осуществления автоматического дрифта космического корабля в открытом космосе при уклонении от ракет условного противника, путём регулировки подачи топлива на различные сопла. Быстродействие – хрен его знает. По человеческим меркам – мгновенно. На испытательных стендах ни одна условная ракета, любого типа, не смогла поразить условный корабль, оборудованный этой штукой. А ты говоришь хрень собачья. Спрашиваешь – Какая тайна? Говоришь – Название смешное. Давай смейся теперь – этой штуке аналогов в мире нет. Радуйся,

выкладывай в интернет, но вспомни мои слова, когда придут за это яйца отрывать.

– Дед не кипятись. Пообещал уже, что никому не проболтаюсь, а за недоверие прости. Скажи лучше, если уж эта штука такая секретная, как она оказалась у тебя.

– Вот это, Володя, и есть настоящая тайна. И в мыслях не было брать этот «дрифташтепсель», тем более что все они строго охранялись. Мало того, это казалось невозможным. Про опасность даже не говорю. Поймают с ним – всё – пиши, пропало.

Невероятная история.

В свой последний рабочий день решил проставиться. Всё-таки не каждый день на пенсию уходишь, а с некоторыми людьми полжизни в одной упряжке. Купил водки, закуски и мы прямо там, в отделе и загуляли. Годы были лихие, в стране бардак, на это безобразие и охрана и руководство смотрели сквозь пальцы.

Хреново в те годы людям жилось.

Напиться в хлам было нормальной альтернативой.

Мы и напились.

И не только мы. Наверное, каждый, кто в институте работал, включая охрану и руководство, пришёл попрощаться. За водкой, не поверишь, бегали восемь раз.

Помню не всё.

Что-то и не хочется вспоминать.

Но вот слёз своего непосредственного начальника забыть

не могу. Расчувствовался человек, просил у меня прощения. Я пытался его успокоить, но он ни в какую.

– Прости, – говорил он, – за всё Кузьмич прости. За сорок своих честно отработанных лет меня лично прости. – Тебе бы пожизненную повышенную пенсию полагалось дать, но не могу. – Нет у государства на это бюджета. – Разворовали бюджет.

И плачет.

Думаю, он и подложил мне в портфель «дрифташтепсель».

Наутро очнулся в своей квартире. Портфель на полу. Застёжка открыта. Из портфеля торчит бутылка водки, а рядом на полу лежит он.

Испугался – чуть в штаны не наложил. Ведь это даже не тюрьма – сразу расстрел – без суда и следствия – циничная измена Родине.

Протрезвел в момент.

Достал из портфеля водку. Залпом прямо из горлышка сразу полбутылки выпил, а хмель не берёт. Хотел сразу сдаться, но передумал, начальника пожалел. Его бы тоже расстреляли. Решил подождать, посмотреть, что будет. Сделанного не воротишь, а будущее, прерогатива судьбы.

Месяц, наверное, ночи не спал, вздрагивал от каждого шороха, всё ждал, что придут.

Не пришли.

Рассосалось.

Даже телефон в этот месяц не звонил.

Все, как-то сразу забыли. Уволился и стал не нужен никому.

Позвонили на второй месяц. – Бывший начальник и позвонил.

– Да, гульнули мы с тобой, Кузьмич, на славу, – сказала трубка его голосом. – Пол института разнесли, вторую разворовали. Но тебя никто не винит, вспоминают только добрым словом. Отдыхай, живи спокойно, всё замяли и все вопросы закрыты.

И повесил трубку.

Так и закончилась моя карьера служения Отечеству.

Карьера закончилась, а «дрифташтепсель» остался, и оказалось, что остался не зря.

– Ни чего себе история, – сказал я.

– Это только начало истории, – ответил дед. – Первые полтора месяца из двадцати пяти лет.

– А было что-то и дальше?

– Было, Володя, много чего было. Но для того, чтобы понять дальнейшее, необходимо спуститься по шкале времени в прошлое. Именно по шкале. С твоего позволения я буду использовать время, как вектор в системе координат.

Я не понимал, куда он клонит, пожал плечами, давая понять, что мне всё равно.

– Когда рассматриваешь время так, подменяешь им одну из координат нашего пространства, окружающий мир те-

ряет объём и становится плоским, – продолжал он. – Мне трудно это объяснить, не хватает образования. – Скорее всего, кажется плоским. Ведь наш разум способен воспринимать только три измерения. Дальше …, как же он мне объяснял …?

– Кто объяснял?

– Да, профессор один, из нашего института. Сидели, както давным-давно, выпивали, размышляли о принципах работы «дрифташтепселя», и он пытался ввести меня в курс дела. – Вспомнил. – Он говорил…

Безумный профессор.

– Плоскость, нанизанная на вектор времени – Представил? А теперь берём и мысленно ставим на эту плоскость что-нибудь малоподвижное, к примеру, дерево в горшке.

– И что?

– А то! Получается, что дерево, растёт по вектору времени, но расположено по двум координатам, но дерево не плоское, мы знаем, что оно имеет три пространственные координаты. Мы просто временно заменили его высоту, на время.

– Фигня какая-то, – не выдержал я.

– Я, Володя, отреагировал также, а профессор на моё заявление отреагировал по-своему. Молча наполнил стаканы, заставил выпить и продолжил:

– Теперь, – сказал он, – кладём дерево набок и меняем на вектор времени его ширину. Затем проделываем то же самое с длиной.

Я всё ещё не понимал.

Он наполнил стаканы снова.

Мы чокнулись, выпили.

А теперь приготовься, сказал профессор, сейчас я скажу самое главное. Если не готов, дай знать, выпьем ещё.

Этот профессор, пил, как лошадь, я так не умел.

Я хотел сказать, что готов, но уже не мог говорить и просто кивнул головой. Он же воспринял это, как знак и снова наполнил стаканы.

Дальнейшее я помню смутно.

В памяти отложилось лишь одно. – В результате наших умозрительных заключений – дерево размазывалось по трём пространственным плоскостям в пределах радиуса проекции «дрифташтепселя» на эти плоскости. А он, в свою очередь, влиял ещё и на время…. Иными словами, наш прибор, удивительным образом, может воздействовать сразу на четыре измерения, а время, одно из них….

– Враньё! – воскликнул я.

Но мой ответ ничуть профессора не смутил. Он с упрёком посмотрел на меня. Молча взял «дрифташтепсель», положил его на стол перед собой и схватился большим и указательным пальцем правой руки за один из двух длинных контактов синего цвета. Затем, точно также он взялся пальцами левой руки за второй длинный синий контакт.

– Нужен третий контакт, – сказал профессор. – Короткий контакт, синего цвета. – Поэкспериментируй на досуге. Сей-

час подключаться не буду – много выпил – стошнит. Но запомни, использовать можно только синие контакты.

– А что будет, если взяться за красные контакты? – спросил я.

– Может быть ничего, а может быть размажет по пространству. Лично я это не проверял. – Слишком рискованно. – Тех, кто попробовал я больше никогда не видел, – ответил учёный. – В этом «дрифташтепселе» главный принцип такой: красные контакты – материальный мир – синие – подсознание – подключаешься к синим – меняешь вектора виртуально, к красным – материально. Два длинных контакта – включаешь прибор в свою схему, замыкаешь на себя. Касаешься одного из четырёх коротких контактов, блокируешь один из векторов – длину, ширину, высоту-глубину или время. Пока работаешь с синими контактами – не страшно – всё на уровне подсознания. Человек машина сложная – возвращается потом в исходное состояние, главное с катушек не слететь и не пить перед экспериментом – не искажать работу мозга. Но только тронь красные – всё …, ситуация непредсказуема – меняется материальный мир, или, вернее, меняешь своё положение в материальном мире. – Куда занесёт? – Непонятно – Прошлое, будущее, вверх, вниз, вперёд, назад – предсказать невозможно. Я пробовал маркировать короткие контакты. Пробовал поочерёдно касаться разных синих коротких. – Ничего не вышло. – Меняются местами вектора. – Хитрый прибор. Может два дня быть на крайнем

контакте время, а потом ни с того ни с сего там уже какой-то пространственный вектор и на остальных контактах тоже всё уже по-другому.

Никакой стабильности нет.

То каждый час вектора с места на место прыгают, то месяцами ничего не меняется. Тасует направления как шулер, а зачем, непонятно.

Ты, главное, Кузьмич, помни – касаться красных контактов нельзя, но это и непросто. – Специально для дебилов красные и синие контакты сделаны с противоположных сторон сферы.

Аккуратно положил дрифташтепсель на стол синими контактами вверх, активировал прибор и спокойно работай с ним, сколько влезет.

– Всё это интересно, – ответил я. – Но звучит очень неправдоподобно. Я деталей не знаю, но слышал, что этот прибор создан для космических кораблей и его функции…

– Правильно говоришь, – перебил профессор. – Обеспечение дрифта в автоматическом режиме при уклонении от ракет противника. И контакты задействованы все. Синие на внутренний контур корабля, красные на внешнюю систему слежения. Четвёртый красный и синий маленькие контакты, выполнены, как вспомогательные, при отказе в работе одного из трёх других. Ни о каком векторе времени в описании прибора и речи нет. В теории, он учитывает только три пространственные координаты.

– Вот! И причём тогда…, – начал, было, я.

– А при том! – перебил меня этот учёный. – Я тебе говорю не про теорию, а про практику. Рассказываю о дополнительных возможностях этого устройства – необыкновенном чуде, потому что ты нормальный мужик, а ты делаешь морду кирпичом и не желаешь ничего воспринимать.

– Но в это же невозможно поверить, необходимо убедиться!

– На…, проверяй! – крикнул профессор и поставил дрифташтепсель прямо передо мной.

А… будь, что будет, подумал я, лучше уж сразу развеять все сомнения, чем думать о них всю свою жизнь.

Я схватился за длинные синие контакты, как показывал профессор.

Он внимательно наблюдал за мной.

Но дальше этого дело не пошло, я засомневался.

Что делать дальше, профессор толком не объяснил. Перед моими глазами было четыре маленьких контакта. К какому из них лучше всего прикасаться я не знал. Не мог сообразить и как.

– Прикасайся к любому! – видя мои сомнения, выкрикнул учёный. – Но не пальцами рук – не сработает. Можно носом или языком. Ещё лучше приделать к маленькому контакту провод со стальной пластинкой. Пластину положить на стул и сесть на неё голой жопой. Вариантов море. Можно провод и на конец намотать. – Лучший вариант – на неделю стояк

обеспечишь.

И он рассмеялся в голос, сгибаясь пополам, закрывая от удовольствия глаза.

Но мне, честно говоря, было не до смеха. Я не очень-то воспринимал тупые шутки этого придурка.

Я боялся, но и отступить от задуманного было нельзя.

Этот профессор хоть и был ненормальным, но задел меня за живое. Если бы я спасовал, то, возможно, уже никогда не смог бы избавиться от своего страха.

Я мысленно сосчитал до трёх и легонько ткнулся носом в один из маленьких контактов, закрыв при этом глаза.

Выждал паузу. Понял, что ничего необычного не чувствую.

– А ты молодец, – сказал профессор совершенно серьёзным голосом. – Не испугался. Ладно, поднимайся.

– Я подпрыгнул, как ужаленный, краснея от накатившей злости. Если этот псих меня обманул…

– Успокойся Кузьмич, – сказал профессор. – То, что касается прибора – правда. Тут никакой шутки нет. И про пластинку к голой жопе, кстати тоже. Всегда лучше наблюдать за происходящим, а не тыкаться мордой в стол.

Я всё ещё с недоверием и зло смотрел на него.

Он же протянул через стол руку, взял «дрифташтепсель» и сунул его в карман.

– Не сработало потому, – сказал он, улыбаясь, – что ты забыл его активировать.

– Сука, – невольно вырвалось у меня.

– Не переживай, что ни делается – к лучшему. Такие эксперименты нужно проводить на трезвую голову. Через недельку повторим.

Я всё ещё пребывал в некоторой растерянности и поэтому ничего не ответил.

– Как там у нас? Осталось что? – спросил профессор, глядя на початую бутылку водки.

– Немного есть, – ответил я.

– Наливай.

Дальше мы просто пили.

***

– Это было моё первое знакомство с уникальным прибором, – сказал дед. – И состоялось оно в 1981 году. Тогда я и предположить не мог, что следующий раз, когда мне удастся взять «дрифташтепсель» в руки, будет только через пять лет в 1986 году.

– Как? Вы же с профессором собирались через неделю повторить эксперимент? – спросил я.

– Уволили профессора. Недели не прошло, как загремел в дурдом. По слухам, белая горячка. Но лично я думаю, что он активировал прибор в пьяном виде. Исказил работу мозга и не смог после эксперимента полностью восстановиться.

– А без него? Ты ведь уже знал, что и как активировать?

– Без него, Володя, было никак. Профессор на тот момент был единственной ниточкой, связывающей меня с «дрифта-

штепселем». Не забывай, что я работал в сверхсекретном учреждении. И хотя, на тот момент, проработал в нём больше тридцати лет, но кто я был? – Ответственный работник по хозяйственной части. – Ни учёный, ни разработчик и даже не испытатель. – Допуск, правда, был почти ко всему, но занимался я материально-техническим обеспечением и отгрузкой готовой продукции. Дрифташтепсель, в 1981-ом году был в стадии доработки. К готовой продукции не относился. Засекречен – дальше некуда. К нему у меня доступа не было. Я и знать то о нём знал, только понаслышке. О нём, вообще, почти никто и ничего не знал. Ходили слухи, что есть такой прибор, который способен вывести любой космический челнок из-под ракетного удара. Но если бы не профессор, которому я в своё время нормально помог с платиновыми припоями, я не узнал бы никаких подробностей о нём. И уж тем более, не держал бы его в руках.

– Странно, как-то. Зачем этот профессор, вообще, рассказывал о нём?

– Это действительно странно. И не только странно, но и опасно. Но в прошлом веке люди были более открыты и доверяли друг другу. И хотя мы были с ним разные и встретились исключительно по работе, но почувствовали некое родство душ. Ему хотелось поделиться, а я умел слушать, вот он и…

– Напились наверно, вот он и проболтался.

– Было дело. Выпивали. Ты подметил верно. И началось

всё с того, что он должен был проставиться за платину. Формальность, но так было только в первый раз. Нам сразу понравилось общаться друг с другом, а водка, вовсе, не была главным – так, сопутствующий беседе напиток, для нужной энергетики.

Мы подружились сразу.

Даже в тот, самый первый раз, если тебе интересно, разговорились так, что не хватило, а вторую в знак нашей дружбы я уже покупал на свои…. Кстати, в тот день он ни слова не сказал о «дрифташтепселе».

Проболтался ли он, захотел ли по дружбе поделиться, я не знаю, но за язык я его не тянул, хотя и знал, что он участвует в разработке хитрого сверхсекретного прибора. Любые рассказы о нём, уже преступление, я не имел права даже спрашивать его ни о каких дрифташтепселях – с друзьями так не поступают. Где-то, через три месяца после нашего знакомства, когда он решил мне о нём рассказать, я даже его останавливал и…

– Так этот прибор не профессор изобрёл? – с удивлением спросил я.

– Не профессор.

– А кто?

– Его ученик.

– И что с ним стало?

– М…м…, не знаю, как и сказать.

– Слушай дед. Хватит темнить. Самое интересное скры-

ваешь. Ведь этот ученик наиважнейший персонаж истории. Он изобрёл этот твой дрифташтепсель, и именно он знает о нём всё. Бросай свои шпионские штучки и рассказывай всё подробно.

– Зацепило, Володя? – Ладно, расскажу. Увидишь, как люди жили. Иногда это полезно, а учитывая, что они не меняются, а всего лишь меняют способы маскировки…

– Хорош уже, а? – Давай поконкретней…

– Не груби деду.

– Прости, но сам должен понимать. Уводишь в сторону – нить повествования теряется.

– Всё равно обрывать деда не смей! Мне лучше знать, что тебе нужно услышать, а что нет.

Он насупился. Потянулся за чашкой.

А я, почувствовал себя виноватым. Он и правда зацепил меня своей историей, и я совершенно забыл, что ему уже очень много лет и вёл себя совершенно недопустимо.

– Дед извини.

– Ладно, – ответил он, махнул рукой, не глядя на меня.

– Может кофейку с бутербродиком?

– Не хочу, Володя.

Я встал из-за стола, подошёл к нему, обнял за плечи. Прижался к его колючей щеке.

– Так что там ученик? – шепнул ему на ухо.

Кузьмич, улыбаясь, искоса посмотрел на меня.

– Ну, ты Володька и хитрован, знаешь, как подходить к де-

ду. Ладно, давай свои бутерброды.

Мы немного перекусили, и дед снова подобрел. Встал, взял со стола свою кружку.

– Пойду ещё кофейку сделаю, – сказал он, – тебе не налить?

– Нет, – ответил я.

– Так на чём мы там остановились? – спросил он.

– Профессор и его ученик.

– Да… Профессор этот – тот ещё был фрукт, – продолжил Кузьмич свой рассказ, вернувшись за стол. – Негодяй одним словом. Взять хотя бы этот килограмм платины на припои. Ведь наверняка половину налево спихнул, но даже не поделился. Купил бутылку водки и думает всё, хватит Кузьмичу. Можно подумать, я водку купить не могу и ничего не понимаю. А я понимаю! И не только понимаю, но и считаю неплохо. – Набил деньгами карманы – гад, за казённый счёт. Я подставился, а он проставился.

– Так и не пил бы с ним.

– Как, Володя, не пить? – Обидится человек, а собеседник он хороший. Интересно и очень поучительно рассказывает. Опять же, если бы не пил, не видать мне «дрифташтепселя», как своих ушей.

– А ученик?

– Какой ученик?

– Ученик профессора.

– О нём ничего сказать не могу. Я с ним не пил. Не был

даже знаком.

– Слушай дед, может, хватит про водку. Мы про прибор говорили. Как ты можешь ничего не знать об ученике профессора, если сам только что говорил, что тот и изобрёл «дрифташтепсель».

– Это да! Изобрёл. Профессор пьяный проговорился, когда прибор показывал. Ещё хохотал, что мол молодой и одарённый придумал, а все лавры и почёт ему.

Сволочь он – этот профессор, хоть и учёный. Задвинул гениального парня, своего ученика, в дальний угол, где его было и не видно, и не слышно. А сам, как сыр в масле …. То платину продаст, то премию получит. А гения в чёрном теле держал. Но Бог, он правду видит. Недаром у этого профессора мозг заклинило. – В дурдоме ему было самое место. – Там в смирительной рубашке, под замком, быстро от жадности лечат. По слухам, он до сих пор там.

– Нет, так мы дед, не продвинемся, – немного нервно сказал я. – Давай не будем отвлекаться. Нам необходимо собрать всю имеющуюся информацию об уникальном приборе.

Вот, например, этот ученик, он же наверняка всё ещё работает в вашем секретном институте.

Если он был молодой и даже, если и не очень молодой – пусть тридцатилетний – сейчас ему ещё шестидесяти нет. Он же за эти годы этот свой прибор полностью изучил. Нужно поговорить с ним и сразу всё станет ясно.

– Ничего не выйдет Володя. Сгинул он. Ещё профессор здоров был, а парень уже исчез. Сожрал учёный псих своего ученика. Толкнул на необдуманный шаг. Схватился парень от отчаяния за красные контакты и поминай, как звали.

– Плохо…, – мрачно ответил я. – Теперь никто не сможет помочь понять, что к чему.

– Не дрейфь, Володька – разберёмся, – бодро ответил дед. – У нас в руках дрифташтепсель – определим всё опытным путём.

– Похоже, ничего другого не остаётся, – согласился я. – Страшно конечно, но…

– Новое дело всегда страшно, – перебил дед. – Но ничего, мы потихонечку, аккуратно, авось и пронесёт.

– Только, это…, дед, я голой задницей на пластину не сяду. – Неловко как-то.

– Не хуже, чем голый провод на конец наматывать, – рассмеялся дед. – А носом или языком – вообще, несолидно и не увидишь ничего. Если стесняешься, одень сверху штаны, а провод подключения, через ширинку пропустим. На хозяйство твоё оденем резиновую перчатку – тебе ещё детей делать, мало ли что.

– Ладно, – немного подумав, согласился я.

И тут меня осенило.

– Дед, а ты же говорил, что вторая твоя встреча с дрифташтепселем состоялась в 1986 году. Что-то мы мимо этого факта лихо с тобой проскочили. И ты, как будто бы и забыл.

Опять темнишь? Не рассказываешь….

– Да, там, Володя, нечего рассказывать. В 1986 году первая версия дрифташтепселя была разработана окончательно, и он из опытного образца перешёл в разряд готовой продукции. Было изготовлено десять штук и передано мне на ответственное хранение. Всё упаковано, опломбировано, но я добился того, чтобы один экземпляр распечатали, под предлогом, что мне нужно проверить, что принимаю на хранение. Рассчитывал, что при всеобщем бардаке обратно нормально упаковать забудут, и я с этой штукой потом поэкспериментирую на досуге.

Какое там.

В присутствии охраны распечатали одну из десяти ячеек стального бронированного контейнера с дрифташтепселями – случайную ячейку, ту, что выбрал я.

Начальник охраны вынул из этой ячейки мини сейф с электронным и механическим замками. Открыл и тот, и другой. Откинул крышку. К прибору, уложенному на мягкую подложку, он даже прикасаться не стал. Кивнул головой, разрешая взять и сказал – Можешь брать, осматривать. Только ради бога, Кузьмич, аккуратней и от кнопки активации держись подальше. Пойдёт что-то не так, за этот прибор башку оторвут.

– Действительно, крутая значит штука, – вставил я.

– Круче не бывает, – поддержал Кузьмич. – Платину так не охраняли. На платину, если с этим прибором сравнивать,

вообще, всем было плевать. А тут…

– Ладно, и как ощущения? – спросил я, видя, что деда опять заносит.

– А что ощущения? – Нормально. Покрутил прибор в руках для вида и сунул обратно. Сказал начальнику охраны, чтобы запаковывал и отошёл в сторону, чтобы случайно не увидеть код от замков. Испугался немного, но внешне этого не показал. Когда ячейку контейнера запаяли, позвал двух грузчиков и переместил контейнер на склад.

– И не было соблазна попробовать открыть этот контейнер? – спросил я.

– Если честно, соблазн был. Сам подумай, если уж этот прибор охраняют в десять раз лучше платины, стоит он, наверное, баснословно. – Пару дрифташтепселей взять, и на всю жизнь обеспечен, думал я тогда. – Дурак, от жадности чуть голову не потерял, хорошо, страх оказался сильнее, а то, точно бы остался без головы – впаяли бы измену Родине…

– Я имел в виду возможности прибора, – чуть нервно осадил деда я.

– Возможности тоже конечно, – ответил он. – Но, когда речь идёт о таких деньгах, какие к чёрту возможности? – Я же молодой тогда ещё был – чуть больше пятидесяти. Семьи не было, вот и прикидывал варианты. Жизнь ведь она, Володя, не вечна, не успеешь оглянуться – спишут со счетов, и окажешься на помойке.

– Причём тут помойка?

– А при том! Живём, как по лезвию бритвы ходим, платину своими руками психу отдал, а судьба «дрифташтепсели подсовывает», вот и задумался.

– Пойду-ка ещё кофейку подолью, – добавил он, отводя от меня глаза.

Вот зараза, подумал я. – Да, он же там втихаря вместо кофе что-то другое, покрепче, подливает.

– Слушай дед, а с внуком не хочешь поделиться? – спросил я.

– Тоже, Володенька, кофейку захотел?

– Захотел. Только такого же, как у тебя.

Он оглянулся настороженно, понял, что раскусили. Улыбнулся.

– Тебе нельзя. Сестра, то есть, бабушка твоя ругаться будет, скажет, спаиваю внука.

– Да ладно тебе, мне уже двадцать пять лет. Бабушка меня всякого видела, а напиваться никто и не собирается. Грамм пятьдесят, если бы коньячка, за компанию с тобой.

– Так я его родимого и добавляю в кофеёк. Пристрастился в последнее время, но доктора говорят даже полезно, если в меру. Да только где она мера-то – у каждого своя. Ладно, давай кружку подолью.

– Мне лучше отдельно, не люблю смешивать, – ответил я.

– Значит, вприкуску с кофе любишь – тоже вариант. Только у меня рюмок нет, если в стакан налью нормально?

– Нормально, но чуть-чуть.

Кузьмич вернулся за стол. Поставил перед собой кружку, в которой плескалось прилично, а передо мной стакан, наполненный на две трети.

– Дед, я же просил чуть-чуть.

– Это и есть чуть-чуть, сам говорил, что тебе уже двадцать пять. А прыгать туда-сюда за добавкой, только отвлекаться, да и тяжеловато, не забывай, сколько мне лет.

Я кивнул головой. – С логикой деда спорить было трудно. В любом случае, меня никто не заставлял пить всё.

– Ладно, давай понемногу за встречу, – сказал дед, поднимая кружку.

Я поднял стакан, чокнулся с ним и сделал пару глотков.

Так вот, Володя, – продолжил свой рассказ Кузьмич. – Ты меня за те мои мысли не осуждай. Я пожил на этом свете достаточно. Многое видел, многое знаю. Вагонами воровали, и всё сходило с рук. А я хоть и работал по материальной части всегда оставался честным человеком и меру свою знал. Ну, дрогнула рука, мысль проскользнула и что? Кто без греха?

– Да я и не осуждаю, – сказал я, прекрасно помня, что ещё несколько минут назад осуждал.

И от своих мыслей и слов мне сделалось стыдно.

– Прости дед, – добавил я. – Кто я такой, чтобы тебя осуждать? – Я же очень тебя люблю. Дай я тебя обниму.

И я с твёрдым намерением обнять и расцеловать старика,

стал подниматься из-за стола.

– Сиди уж. Я тоже тебя люблю. Понял, Володя и молодец. Давай лучше выпьем ещё немного, но не налегай, разговор предстоит длинный.

Мы выпили ещё.

И Кузьмич продолжил свой рассказ.

– Да…, – протянул он задумчиво, – 1986 год. – Год крушения мечты.

«Дрифташтепсели» спрятали в бронированные ящики, особых перспектив не было. Перемены всякие замаячили и добавили ненужной неопределённости. Всё куда-то покатилось, но совсем не в лучшую сторону.

Программа многоразовых космических кораблей начала сворачиваться и, как следствие, финансирование института урезали, а как печальный факт, исчезли доплаты и премии и дополнительных возможностей не стало.

Но «дрифташтепсели» продолжали клепать.

Было выпущено ещё три версии.

С интервалом чуть больше года на склад готовой продукции попадал очередной бронированный ящик.

– А этот какой? – Я кивнул на дрифташтепсель всё ещё лежащий на столе между нами.

– А это, Володя, самый лучший – четвёртого поколения – модернизированы контакты, шесть степеней защиты от окружающей среды, кнопка плавной активации с возможностью экстренной автоматической блокировки при сбоях

систем корабля. Начинка – не знаю, но думаю, тоже усовершенствована. В любом случае, спаяна на платине, не то, что у ворюги профессора – на олове.

Этот прибор, Володя, вершина инженерной мысли – совершенный продукт – результат кропотливой работы множества прекрасных людей по доведению гениального изобретения до совершенства. – Последний достойный аппарат прошлой эпохи. Выпущен, как я тебе уже говорил, в 1990-ом году, за три месяца до моей пенсии.

До сих пор удивляюсь, как это, вообще, могло произойти. Денег в институте уже практически не было – исключительно, на голом энтузиазме, при полной самоотдаче людей.

– И вашего покорного слуги тоже, – добавил он, имея в виду себя.

Он печально посмотрел на меня, склонил голову и сказал:

– За это просто необходимо выпить! И выпить стоя, и до дна.

– Дед, если стоя трудно – сиди, никто не обидится.

– Нет, Володенька, только стоя. Труд людей уважать надо, а как выпьем садиться уже не обязательно. Будет маленькая просьба.

Мы выпили, и я остался стоять, глядя на деда, который сел обратно за стол.

– Просьба такая, – сказал Кузьмич. – Там у плиты, в правом верхнем ящике стоит початая бутылка коньяка. Тащи её сюда. Рядом стоит целая, её тоже прихвати.

– Не многовато дед?

– Этого мы с тобой, внук, знать не можем. Неси их сюда, а там разберёмся. Хуже если не хватит. – Придётся в комнату идти, но там не коньяк, а смешивать не хотелось бы.

Кузьмич, как всегда был очень логичен, и я в точности выполнил всё, что он говорил.

Початую бутылку мы допили почти сразу.

Дед никак не мог собраться с мыслями, чтобы продолжить свой рассказ. Пауза затягивалась, мы потягивали свой коньяк и заполняли её короткими репликами.

– Ну что ещё по одной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.